

СА-708
В 65

Государственный музей Востока

В.Е. ВОЙТОВ

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
МУЗЕЯ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ
1926-1928 гг.
(по архивным данным и публикациям)

МОСКВА 2001

СА-708

В 65

Государственный музей Востока

В.Е. ВОЙТОВ

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
МУЗЕЯ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

1926-1928 гг.

(по архивным данным и публикациям)

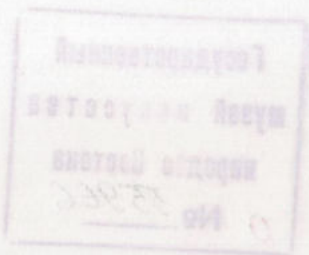
Государственный
музей искусства
народов Востока
0 № 55966

Рекомендовано к печати 25 мая 2001 г.
на научно-практическом семинаре
сектора археологии Средней Азии
Отдела истории материальной культуры и древнего искусства
Государственного музея Востока

Рецензенты: кандидат исторических наук Г.В. Шишкина, Т.Г. Алпаткина

Содержание

От автора-составителя	стр. 3-5
1926 г. Первая экспедиция	5-12
1927 г. Вторая экспедиция	12-24
1928 г. Третья экспедиция	24-61
Примечания	61-66
Использованная литература	67
Сокращения	67

к 75-летию со дня рождения Бориса Яковлевича Ставиского

От автора-составителя

Настоящий год особенно богат на памятные для археологов и археологии Узбекистана даты. Этим летом исполняется 75 лет с начала полевых работ Музея восточных культур и Средазкомстара в Старом Термезе; 40-летие участия Музея искусств народов Востока в раскопках на памятнике Кара-тепе и 20 лет Отделу истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока. В этом же году постановлением правительства Республики Узбекистан, основанном на результатах многолетних археологических исследований, отмечается 2500-летие города Термеза.

Памятники древних культур в окрестностях г. Термеза на самом юге Узбекистана многочисленны и разнообразны, однако наибольшую известность среди них получил пещерный буддийский монастырь Кара-тепе, расположенный в северо-западной части древнего города, на правом берегу Аму-Дарьи. Этот памятник был открыт археологическими экспедициями московского Музея восточных культур 1926-1928 гг., в 1930-е гг. здесь были проведены первые археологические раскопки, но его настоящее комплексное изучение началось лишь в 1961 г. экспедицией Государственного Эрмитажа, возглавленной Б.Я. Стависким. Более 30 лет он неутомимо и скрупулезно изучал внешне ничем не примечательный "Черный холм", и почти все эти годы рука об руку с ним работали научные сотрудники Музея Востока. Результаты их работ нашли отражение в сотнях статей и монографий, опубликованных археологами, архитекторами, реставраторами, искусствоведными, лингвистами и другими специалистами находками с Кара-тепе пополнились коллекции музеев Термеза, Санкт-Петербурга, Москвы, Самарканда и со многими из них познакомились на выставках сотни тысяч отечественных и зарубежных зрителей. Исследование Кара-тепе уже имеет свою историю, но научное осмысление материалов его раскопок будет продолжаться еще долго.

Иначе дело обстоит с другими памятниками этого района, не удостоившимися столь пристального внимания ученых, хотя именно с них и начиналась полевая археология Старого Термеза. Впрочем, читатель, взявший в руки эту книжку, не найдет в ней ответов на многие вопросы, на которые он мог бы рассчитывать, глядя на ее

название. Нет в ней объяснения причин выбора именно Термеза в качестве объекта работ в широко распахнутых для археологических изысканий просторах Средней Азии той поры, буквально переполненных остатками древностей. Архивы Музея Востока не сохранили до наших дней ни полевых дневников, ни отчетов, ни чертежей или зарисовок, не найдем мы в них и фотографий самих участников экспедиций 1926-1928 гг. Долгие десятилетия не совсем благополучно обстояли дела с находками тех лет, доставленными в Музей и положившими начало собранию молодого Отдела Советского Востока. Проведенная в конце 1920-х гг. кампания борьбы противников прежних методов музейного строительства отрицательно сказалась не только на судьбах самих музейных археологов, но и на судьбе собранных ими больших и ценных коллекций. Инвентарные книги Отдела терялись и переписывались заново, многие экспонаты списывались с инвентаря или передавались в другие музеи, хранились в запыленных ящиках невостребованные на выставках и не реставрированные сотни предметов, о которых как будто бы забыли. Только в начале 1980-х гг., после организации в Музее Отдела истории материальной культуры и древнего искусства, важной составляющей частью которого стал сектор археологии Средней Азии, были налажены хранение, учет, реставрация и научная обработка сохранившихся термезских находок, которые как бы обрели новую жизнь.

Пришло, видимо, время вспомнить и об истории самой первой в Советском Союзе крупной археологической экспедиции в Среднюю Азию, о том, как она начиналась и чем закончилась. В этой книжке об археологии нет... самой археологии в ее привычном понимании - с описаниями и аналогиями, анализом и выводами и прочими специфическими атрибутами этой исторической дисциплины. Вся "сюжетная канва" здесь строится на сухом, излагаемом в хронологическом порядке перечне архивных документов, в некоторых местах дополняемых цитатами из публикаций тех или более поздних лет. Насколько мне известно, такого рода работ, где об археологии говорят не вещи, не воспоминания участников экспедиций или людей с ними близко знакомых, а пожелтевшие страницы из архивных папок, еще не было. И пусть мы не увидим лиц людей, положивших начало этим экспедициям, или лиц их оппонентов, но сохранившиеся протоколы, отчеты, письма и справки доносят до нас их мысли, слова, чувства и поступки. Эти документы показывают пример разрешения только одной небольшой проблемы, искусственно созданной только в одном небольшом музее, и зеркально отражают неповторимый стиль поведения людей той эпохи. Логика поступков одних, личные амбиции других и попустительство третьих, густо замешанные на идеологических дрожжах, привели к известному финалу.

В цитируемых документах авторские ремарки незначительны, но в примечаниях к этой работе приведены наиболее важные и по большей части неизвестные биографические справки о многих участниках этой истории, в первую очередь о сотрудниках Музея. Также полезным я посчитал указать в примечаниях номера термезских экспонатов по старым "Книгам поступлений", что может оказать помощь нынешним сотрудникам сектора Средней Азии в определении даты их нахождения экспедициями 1926-1928 гг. При публикации архивных документов сохранены встречающиеся в них сокращения, написание названий исторических памятников, принятое в то время, а также стиль изложения, орфография и терминология тех лет.

1926 г. Первая экспедиция.

5 января 1926 г. На заседании Правления Музея Восточных Культур (далее МВК) Б.П. ДЕНИКЕ¹ сообщил, что директор Научно-исследовательского института г. Полторацка² предложил Музею "принять участие в экспедиции в Туркменистан при участии Средазкомстариса". Правление постановило "поручить Б.П. Денике вести переговоры с указанными лицами и учреждениями по вопросу об экспедиции" (Архив ГМВ, кор. 1, 1926 г., оп. 1, ед.хр. 2, л. 7).

19 января 1926 г. он сообщил, что "им совместно с председателем Средазкомстариса Д.И. Нечкиным и директором НИИ в Полторацке т. Немченко выработаны предварительные условия соглашения, но в виду отъезда т. Немченко дело пока окончательного оформления не получило" (там же, л. 9).

11 мая 1926 г. на заседании Правления МВК (протокол № 11) "Б.П. ДЕНИКЕ сообщил об отпуске средств... на экспедицию в Среднюю Азию. ПОСТАНОВИЛИ: Образовать комиссию по экспедиции в Среднюю Азию из 5 лиц: Б.П. Денике, И.Н. Бороздина³, Ф.В. Гогеля⁴, М.М. Попова⁵ и А.С. Стрелкова⁶" (там же, л. 18а).

5 июня 1926 г. на заседании Правления МВК Б.П. ДЕНИКЕ предложил "проект посылки шести экспедиций, ввиду отпуска Главнауке средств на научные экспедиции из фонда Совнаркома: 4 - в Среднюю Азию, 1 - в Армению, 1 - в Азербайджан. А.М. ЭФРОС⁷ находит нужным сжать экспедиции до двух, с несколькими отрядами в каждой.

ПОСТАНОВИЛИ: Остановиться на двух экспедициях: в Среднюю Азию с четырьмя группами и одной на Кавказ с двумя группами, и поручить Б.П. Денике переработать соответственным образом план и

смету экспедиции, а также внести в смету расходы по изданию трудов экспедиций" (там же, л. 21а).

18 июня 1926 г. на заседании Правления МВК, "СЛУШАЛИ: ... 5. По вопросу об экспедиции, организуемой Музеем в текущем году в Среднюю Азию. ПОСТАНОВИЛИ: Включить в состав экспедиции следующих сотрудников Музея: Б.П. Денике, Ф.В. Гогеля и А.С. Стрелкова. Цель экспедиции – обследование древнего городища около г. Термеза (Б.П. Денике и А.С. Стрелков) и коврового производства в Туркменистане (Ф.В. Гогель). Согласовать работу экспедиции с экспедиционным планом текущего года Средазкомстариса и, по возможности, провести эту работу совместно со Средазкомстарисом. Время экспедиции сентябрь и октябрь текущего 1926 г." (там же, л. 22а).

16 июля 1926 г. на заседании Правления МВК А.М. ЭФРОС внес предложение: "В виду развертывания Музея⁸, признать невозможным одновременный отъезд директора [Б.П. Денике] и заместителя директора [Ф.В. Гогеля] в экспедицию; поездку зам. директора осуществить после возвращения из экспедиции первой группы. В виду недостаточной суммы, отпущенной на экспедицию по Госбюджету, дать средства на изучение коврового производства из дополнительных ассигнований на экспедицию Средазкомстарисом.

ПОСТАНОВИЛИ: Принять первое предложение... Суждение по второму вопросу отложить до получения ответа от Средазкомстариса относительно субсидирования экспедиции" (там же, л. 23а).

24 июля 1926 г. Музей направил письмо в Средазкомстарис с просьбой разрешить с 1 сентября проведение археологической экспедиции в Термезе, закупочной экспедиции и экспедиции по изучению коврового производства в Туркмении (Архив ГМВ, кор. 1, 1926 г., оп. 1, ед. хр. 4, л. 23). Ответный документ в архиве Музея не сохранился, но, судя по всему, он был положительным.

Задачи полевых работ первой экспедиции, "в виду крайней недостаточности отпущенных средств", Б.П. ДЕНИКЕ определил так: "Предполагалось обследовать топографию местности развалин древнего Термеза, составление карточного каталога развалин с фотографическими снимками, уяснение характера и значения наиболее выдающихся зданий, архитектурные обмеры важнейших, их фотографирование и описание, выяснение возможности в будущем археологических раскопок. Подробное исследование архитектуры, археологические обмеры, какие бы то ни было раскопки, - все это отлагалось до будущего" ("Культура Востока", вып. 1, с. 10-11).

5 октября 1926 г. на заседании Правления МВК "Ф.В. ГОГЕЛЬ сообщил, что при окончательном распределении средств на экспедицию при отъезде ее первой части (Б.П. Денике и А.С. Стрелков) выяснилась крайняя недостаточность этих средств и невозможность произвести даже фотографические снимки в Термезе в том случае, если бы Ф.В. Гогель осуществил свое, утвержденное Правлением участие в экспедиции по обследованию коврового производства Средней Азии. Поэтому для пользы общего дела он согласился на перенесение этой своей работы в Средней Азии в экспедиционный план будущего года. ПОСТАНОВИЛИ: признать действия Ф.В. Гогеля правильными" (Архив ГМВ, кор. 1, 1926 г., оп. 1, д. 2, л. 24а).

3 сентября 1926 г. экспедиция выехала из Москвы для проведения рекогносцировки архитектурных памятников в Самарканде (с 8 по 15 сентября) и в районе Термеза (с 17 по 27 сентября), где намечалось "обследование и засъемка развалин древнего Термеза близ вокзала (Султан Саадат, Кыр-Кыз и пр.) и у древней крепости (мечеть Аль Термези)" (Б.П. Денике. Автобиографическая канва, с. 49, 51)⁹. "По окончании работы в Термезе руководитель экспедиции проехал в Асхабад для установления связи с Музеем и местными научными учреждениями. Были осмотрены Аннау с его курганами и мечетью, а также обе крепости Несы. В Музей восточных культур привезен подъемный материал (образцы керамики) с обоих курганов Аннау и с обеих крепостей Несы" ("Культура Востока", вып. 1, с. 18).

19 октября 1926 г. на заседании Правления МВК Б.П. ДЕНИКЕ сделал доклад об итогах полевых работ: "Экспедиция обследовала архитектурные памятники древнего Термеза, произведя осмотр, обмеры и фотографирование их. Эти памятники, как мусульманского, так и домусульманского периода, распадаются на две главных группы развалин, из которых одна расположена на берегу Аму-Дарьи, а вторая в районе теперешней железнодорожной станции. В обеих группах имеются ценные памятники. Экспедиция привезла с собой, помимо фотографических снимков, подъемный материал (фрагменты керамики и, так называемых, "бомб")¹⁰. Кроме того, привезены еще фрагменты керамики из Аннау¹¹ и Несы (близ Полторацка)¹². Ходатайство Музейного отдела [Главнауки] о снабжении Музея дублетами из среднеазиатских музеев дало благоприятный результат. В частности, в Самарканде отобран ряд материалов, на приемку и отправку которых Б.П. Денике уполномочил гр-на Столярова¹³. Кроме того, отобран ряд снимков (135 шт.) с архитектурных и музейных памятников Средней Азии" (Архив ГМВ, кор. 1, 1926 г., оп. 1, д. 2, л. 27б).

Однако "ввиду недостатка времени и средств далеко не все удалось выполнить: каталог развалин только начат, схематические обмеры произведены для немногих зданий, изучение далеко не закончено. Но произведено все же обследование современного состояния развалин, проделана довольно большая работа по фотографированию, начата работа по выделению зданий домусульманского периода, сделаны отдельные интересные открытия при изучении мусульманских памятников; наконец, могут быть высказаны некоторые соображения о порядке производства раскопок, связанные с уяснением характера зданий и культуры их породившей. Сверх того, в Музей привезено некоторое количество подъемного материала: фрагментов керамики поливной и неполливной, орнаментированных фрагментов так наз. сфероконических сосудов ["бомб"] и пр." ("Культура Востока", вып. 1, с. 11).

1 марта 1927 г. на заседании Правления (протокол № 29) "Ф.В. ГОГЕЛЬ указывает на необходимость представить Музею отчет по экспедиции в форме докладов участников экспедиции... ПОСТАНОВИЛИ: Созвать 5 марта в 2 часа дня Пленарное заседание Ученых Советов всех отделов Музея для заслушивания отчета по среднеазиатской экспедиции" (Архив ГМВ, кор. 1, 1927 г., оп. 1, д. 5, л. 126).

5 марта 1927 г. заседание, на котором присутствовали 12 человек, состоялось (протокол № 1). "СЛУШАЛИ: Краткий предварительный отчет участников среднеазиатской экспедиции МВК, произведенной осенью 1926 г.

Б.П. ДЕНИКЕ (доклад иллюстрируется фотоснимками), давая общий отчет по экспедиции, останавливается на обзоре литературы, описывающей памятники Термеза, и констатирует ее недостаточность. Давая затем краткую историческую справку по истории исследований, он переходит к описанию задач экспедиции Музея, ее состава и характера и указывает на то, что в своей работе экспедиция встретила моральную поддержку со стороны местных научных учреждений.

Переходя к описанию развалин Термеза, и давая попутно поддержки из прежних описаний, он производит их классификацию по группам и затем останавливается на описании крепости, являющейся, по его мнению, памятником домонгольского периода, хотя более точную датировку может дать лишь археологическое исследование. Интересен расположенный к северу мазар [мечеть Хакима аль-] Термези, гипотетически относимый им к арабскому периоду и вызывающий необходимость производства дополнительного осмотра и некоторых реставрационных работ. Давая затем обзор еще нес-

кольких памятников, и указывая на постепенное их разрушение, он подчеркивает необходимость производства дальнейших работ, пока памятники не исчезли, по следующей программе: 1. Производство топографической съемки. 2. Каталогизация памятников. 3. Измерения, обмеры, осмотры и описания и 4. Археологическая разведка.

В.В. ЗГУРА¹⁴ (доклад иллюстрируется фотоснимками) дает подробное описание Кыркыза [Кырк-кыз], массивного четвероугольного здания с башнями по углам. Отметив, что в литературе не имеется указаний на этот памятник, он делает предположение, что здание представляет собой дворец-крепость, гипотетически приурочиваемый им к середине XIII века.

А.С. СТРЕЛКОВ (доклад иллюстрируется схемами) дает описание памятника, условно называемого им *ступа*. Делая подробный анализ конструкции и материала памятника, и давая для сравнения описание целого ряда буддистских *ступ*, он приходит к выводу, что и данный памятник является, вероятно, подобным же сооружением, представляя, таким образом, первый и пока единственный памятник этого рода на территории СССР. Те отличия (коридоры), которые в нем имеются, могут быть отнесены за счет видоизменений памятников материальной культуры буддизма. Не исключена, однако, возможность, хотя и крайне маловероятная, что описываемый памятник представляет собой архитектурный пережиток иранского типа. В заключении А.С. Стрелков подчеркивает необходимость производства дополнительных исследований, в т. ч. археологических раскопок.

По предложению председателя [Ф.В. Гогеля], участники собрания задают докладчикам вопросы.

Б.Н. ЗАСЫПКИН¹⁵ спрашивает Б.П. Денике, много ли штукатурки надо снять для обнажения частично обнаруженного в мазаре Аль-Термези резного орнамента по терракоте. Б.П. Денике указывает на то, что ответ может быть дан лишь при производстве работ на месте.

Б.Н. ЗАСЫПКИН спрашивает В.В. Згуру о характере штукатурки и пигментов окраски в Кыркызе. В.В. Згура отвечает, что штукатурки не имеется. Основная краска черная, хотя местами есть следы розовой покраски. Технологический анализ не произведен, но имеется фрагмент, который может быть подвергнут анализу.

Б.Н. ЗАСЫПКИН спрашивает А.С. Стрелкова, не являются ли коридоры описанного им памятника [Зурмала] позднейшего происхождения. А.С. Стрелков отвечает, что это возможно.

Б.В. МИЛЛЕР¹⁶ спрашивает Б.П. Денике о том, каково мнение местных жителей о развалинах. Б.П. Денике отвечает, что у них нет по этому поводу каких-либо определенных преданий.

Б.В. МИЛЛЕР спрашивает В.В. Згуру, нельзя ли Кыркыз отнести к более раннему периоду. В.В. Згура отвечает, что, по его мнению,

нет, ибо трудно допустить одновременное существование двух крепостей (вторая – цитадель в Термезе) на таком близком расстоянии друг от друга.

Ф.В. ГОГЕЛЬ спрашивает о количестве привезенных фотографий. В.В. Згура указывает, что общее количество фотографий около 200 штук, причем значительная часть остальных снимков пострадала от света. По предложению председателя участники заседания переходят к обсуждению по существу.

И.Н. БОРОЗДИН отмечает, что работа экспедиции проведена вполне удачно, особенно, если принять во внимание незначительность материальных средств, которыми она располагала. Задания, поставленные экспедицией, были целиком выполнены, и результаты ее надо признать вполне удовлетворительными. Результаты эти должны быть зафиксированы в печати. Отмечая затем разведочный характер работ экспедиции, он подчеркивает необходимость дальнейших исследовательских работ не только надземных [визуальных], но и археологических.

Б.В. МИЛЛЕР, присоединяясь к его мнению, указывает на крайне удачный выбор места экспедиции, ибо Термез являлся важным торговым и культурным центром, в котором происходило интенсивное движение народов и скрещивание культур.

Ф.В. ГОГЕЛЬ, отмечая крайнюю энергию, проявленную участниками экспедиции, подчеркивает необходимость производства при дальнейших работах археологической разведки.

Б.П. ДЕНИКЕ, указывая на необходимость большой предварительной работы, ознакомления с районом, производства точных обмеров, топографической съемки, распространения исследования на соседние районы, подчеркивает, что производство археологических раскопок возможно лишь после тщательного предварительного исследования.

В.В. ЗГУРА, присоединяясь к мнению о необходимости производства раскопок, указывает на то, что и без них есть на месте много материалов для повторения подобных экспедиций без производства археологических работ.

И.Н. БОРОЗДИН говорит о необходимости различать археологические раскопки от археологической разведки. Не возражая против экстенсификации работ, он подчеркивает необходимость интенсифицировать их путем применения археологической разведки.

Б.Н. ЗАСЫПКИН предлагает довести о результатах экспедиции до сведения Средазкомстариса и просить об оказании поддержки при дальнейших работах.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Признать работы и результаты экспедиции удовлетворительными. 2. Признать необходимым отпечатать пред-

варительные отчеты участников экспедиции в "Бюллетене" Музея Восточных Культур. 3. Признать необходимым дальнейшее производство исследовательских работ в районе Термеза, причем отметить желательность производства, кроме надземных работ, и археологической разведки" (Архив ГМВ, кор. 1, 1927 г., оп. 1, д. 5., лл. 88а-89а).

22 марта 1927 г. на заседании Ученого Совета отдела Советского Востока¹⁷ (протокол № 3) "Б.П. ДЕНИКЕ доложил о ходе работ по составлению Отчета об экспедиции [1926 г.] и продемонстрировал 15 иллюстраций к Отчету. ПОСТАНОВИЛИ: Доклад принять к сведению, иллюстративный материал утвердить к помещению в Отчете" (там же, л. 82а).

26 июня 1927 г. в здании "Цветковской галереи" открылась выставка по материальной культуре Средней Азии, подготовленная сотрудниками отдела Советского Востока. "Настоящая выставка имеет целью ознакомить: 1) с результатами экспедиции Музея Восточных культур в Термез (осень 1926 г.), 2) с некоторыми вновь полученными образцами керамики из Анау и Несы, 3) с итогами обследования живописи мавзолея Биби-Ханым в Самарканде и 4) с результатами экспедиционных работ в Узгенте [1924 г.]. Материалы, экспонируемые на выставке, демонстрируются впервые" (2, с. 3) Во время приема выставки Комиссией было, в частности, предложено "развить пояснительные надписи к материалам с целью дать возможность разобраться в них неподготовленному зрителю, отделить надписями демонстрацию Самаркандской живописи от воспроизведенной Термезских памятников и пополнить материалы планом развалин Термеза" (Архив МВК, кор. 1, 1927 г., оп. 1, д. 5, л. 46а).

К открытию выставки был выпущен сборник научных статей, одна из которых посвящена Термезу. Ввиду краткости этого текста, привожу его полностью.

"Экспедиция Музея Восточных Культур в Термез обследовала ряд памятников домусульманского и мусульманского периода. В числе первых необходимо отметить Зурмалу (предположительно буддийская ступа), затем были обследованы дворец Кыр-Кыз, мечеть Аль Термези, Султан Саадат, Кокиль Дора, древняя крепость с набережной на берегу Аму-Дарьи. Результаты экспедиции иллюстрируются фотоснимками, увеличениями, подъемным материалом (фрагменты керамики мусульманского периода, сфероконических сосудов с разнообразной орнаментацией). Материал экспедиции пополнен несколькими образцами термезской керамики из сборов 1914 г. археолога З.З. Виноградова. Среди выставленных фотоснимков 2 – рабо-

ты Б.Н. Кастальского, характеризующие вид мечети Аль Термези и минарета в Термезе 25 лет тому назад.

Выставлены также фрагменты керамики из Анау, привезенные руководителем экспедиции в качестве подъемного материала с мест раскопок Pumpelly и Комарова (ср.: Hubert Schmidt. Archeological Excavations in Anau and old Merv). Представлена как расписная керамика Северного кургана, так и керамика Южного кургана. Выставлен также подъемный материал из восточной и западной крепости Несы (фрагменты керамики мусульманского периода), процветавшей еще в мусульманское время в IX-XI веках и существовавшей в XIII веке.

Доисторическая расписная керамика из Анау, относимая к III тысячелетию до н.э., в новейших работах (Андерсона, Арне) ставится в связь с доисторической керамикой Китая, причем указывается на возможность считать исходным пунктом развития западно-азиатские (в том числе и Анау) памятники керамики" (2, с. 2-3).

Более подробные отчеты по экспедиции 1926 г. были представлены в уже цитировавшемся издании "Культура Востока", вып. 1.

В последней работе Б.П. Денике обозначил задачи экспедиции 1927 года следующим образом: "Развернуть с возможной полнотой научно-исследовательскую работу в термезском районе. Кроме термезской, необходимо изучить ангорскую и джаркурганскую группу развалин, а затем провести изучение руин к востоку от Сурхана вдоль по Аму-Дарье, через Айртам и пост Орлиный, близ которого находится постройка, принимаемая некоторыми за буддийский монастырь, вплоть до Айваджа. С другой стороны, необходимо углубить исследование археологической разведкой, а когда будут необходимые средства, предпринять и систематические раскопки" (1, с. 18).

1927 г. Вторая экспедиция.

В конце 1926 – начале 1927 гг. Б.Н. Засыпкиным были произведены подготовительные научные работы для экспедиции Музея в Термезе: ознакомление с литературой, с работами экспедиции 1926 г. и разработка плана исследования, обмеров и т.д. Основные вопросы изучения архитектуры и искусства в целом Средней Азии в связи с искусством смежных стран, разрабатываются в двух направлениях: 1. систематическое исследование архитектурно-археологическими методами памятников в натуре с выработкой определенных предметов и 2. обработка соответствующих материалов: обмеров, фотографий и фрагментов в общенаучном отношении, с целью экс-

понирования в Музее в отделе Советского Востока" (Архив ГМВ, кор. 1, 1926-1927 гг., оп. 1, д. 4, л. 32).

22 февраля 1927 г. на заседании Правления МВК (протокол № 28) "Б.П. ДЕНИКЕ, сообщая, что Главнаукой отпускается 1.000 руб. на экспедиционную деятельность Музея, предлагает принять предварительный ориентировочный план, выдвигая со своей стороны, два варианта: 1. Продолжение прошлогодних работ в Термезе и организация экспедиции для обследования коврового производства Средней Азии и 2. Разведка в Хиве и Куны-Ургенче. И.Н. БОРОЗДИН предлагает согласовать экспедиционную деятельность Музея с деятельностью Научной Ассоциации Востоковедения (НАВ) и организовать при поддержке АзССР совместную экспедицию для обследования Азербайджана. Б.П. Денике, отмечая желательность такой экспедиции, указывает, что Музею следует держаться все же принятого плана работ.

По предложению В.А. ГУРКО-КРЯЖИНА¹⁸ принято решение отложить детальную проработку экспедиционного плана до следующего заседания, приняв в качестве ориентира первый из вариантов Б.П. Денике (две экспедиции в составе 2-х человек каждая, из расчета 500 руб. на каждую)" (там же, 1927 г., оп. 1, д. 5, лл. 106-11а).

14 мая 1927 г. на заседании Правления МВК (протокол № 36) "Б.П. ДЕНИКЕ, сообщая об отпуске 1.000 руб. на экспедиции, предлагает обратить их на экспедицию в Термез, согласно постановлению Пленума ученых советов отделов Музея и Ученого Совета отдела Советского Востока от 14 мая. В состав экспедиции входят Б.П. Денике и Б.Н. Засыпкин (сроком с 15 августа по 1 октября), И.Н. Бороздин и А.С. Стрелков (с 1 сентября по 1 октября)...

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить проект, представленный Б.П. Денике" (там же, л. 39а).

19 августа 1927 г. экспедиция выехала из Москвы вместе с П.Е. Корниловым¹⁹. Маршрут экспедиционных работ: Москва – Ташкент (23-28 августа) – Самарканд (1-11 сентября) – Термез и Джар-Курган (13-29 сентября) – Бухара и Рабат-и-Малик (30 сентября – 4 октября) – Москва (Б.П. Денике. Автобиографическая канва, с. 54-55). "Общая продолжительность экспедиции была около 1½ месяца" (3, с. 15, прим. 2).

"Состав экспедиции: Денике Б.П. (руководитель), Засыпкин Б.Н. (архитектор), Стрелков А.С. (научный сотрудник), Корнилов П.Е., Вяткин В.Л.²⁰ Экспедиция в текущем году продолжала работу, начатую в прошлом году на памятниках мусульманского и домусуль-

манского периода в Термезе. Произведены фотофиксация и обмеры главнейших памятников. Из главнейших результатов экспедиции должно быть отмечено открытие фрагментов буддийских статуй из известняка [на Кара-тепе]²¹, ценная в художественном отношении декорация стен из резного гипса 10-го века [XI-XII вв.] в одном из зданий²². Кроме того, произведено обследование памятников мусульманского периода в Джаркургане, Ура-Тюбе и Маргелане. Израсходовано 1.100 руб., отпущенных Главнаукой" (Архив ГМВ, кор. 1, 1926-1927 г., оп. 1, д. 4, л. 33а). "Некоторое время при экспедиции работал студент-востоковед Ленинградского университета А.А. Некрасов. Последним собран для экспедиции подъемный керамический материал в Несе близ Ашхабада" (з, с. 15, прим. 2).

В этом месте автор считает необходимым вставить обширные цитаты из опубликованной статьи Б.П. Денике, для того чтобы читатель смог представить объем работ экспедиции 1927 г., не утруждая себя поисками сборника, представляющего теперь библиографическую редкость.

"Работа второй экспедиции проходила главным образом в направлении углубления научно-исследовательской работы в археолого-архитектурном отношении в Термезском районе. Удалось осуществить и археологическую разведку... В Термезском районе была проведена очень интересная работа, давшая ряд весьма важных открытий, из которых особенно интересными представляется открытие А.С. Стрелковым фрагментов буддийских статуй и архитектурных деталей из известняка, а также открытие в одном из зданий чрезвычайно интересной резной штукатурной декорации стен.

Исследуя поле развалин в восточной части древнего Термеза, мы натолкнулись на группу развалин. В одной из этих построек из сырцового кирпича, которую мы назвали здание № 1, В.Л. Вяткин и Б.Н. Засыпкин в восточной части южной стены у самой поверхности земли [25 сентября] обнаружили следы резной гипсовой облицовки. В результате произведенной археологической разведки, носившей предварительно-ориентировочный характер, удалось обнаружить на восточной половине южной стены довольно хорошо сохранившуюся гипсовую резную декорацию. В виду недостатка времени и средств разведка была ограничена немногими шурфами. По окончании работы все обнаруженное раскопкой было вновь закопано. Выяснение назначения здания и окончательное раскрытие всей декорации — одна из основных задач экспедиции 1928 г. Благодаря участию в экспедиции представителя Средазкомстариса археолога В.Л. Вяткина оказалось возможным произвести эту раскопку, а также ряд небольших археологических разведок внутри сооружения Кырк-Кыз и зондаж внутри древней крепости...

Весьма важная и серьезная работа была произведена под руководством Б.Н. Засыпкина по обмеру главных архитектурных памятников Термеза... В.Л. Вяткин и Б.Н. Засыпкин произвели глазомерную съемку в восточной части древнего Термеза, выяснили направление и произвели обмеры стен в этой местности. К сожалению, часть материалов по обмерам была похищена у В.Л. Вяткина при возвращении его из Термеза в Самарканд.

Повсюду членами экспедиции собирался подъемный материал: поливная и неполиванная керамика; также фрагменты майолики, подобранные около пиштака мазара в Султан-Саадате. Трех важнейшим районам: Чингиз Тепе, району крепости и привокзальному соответствуют 3 типа керамики, характерные для культуры данного района²³.

Экспедицией произведена планомерная фотофиксация памятников, значительно дополнившая работу первой экспедиции. Фото съемку произвели с большим успехом члены экспедиции Б.Н. Засыпкин и П.Е. Корнилов. Из других работ экспедиции отметим еще снятие эстампажей с деталей резной штукатурной декорации и с гробницы Аль-Термези. Работа эта произведена с большой тщательностью членами экспедиции П.Е. Корниловым и А.С. Стрелковым" (з, с. 3-5).

17 октября 1927 г. на заседании Правления МВК (протокол № 44) "Б.П. ДЕНИКЕ делает краткое сообщение о результатах среднеазиатской экспедиции Музея. Собранный и отправленный в адрес Музея материал, по его предложению, должен быть продемонстрирован на особой выставке, которую Музей может организовать в конце декабря. Для дополнительной обработки материалов (проявление негативов) потребуется примерно около 100 руб. из научных средств. Кроме того, необходимо забронировать из хоз. средств необходимые суммы на выкуп приходящих в адрес Музея материалов.

ПОСТАНОВИЛИ: Принять к сведению сообщение Б.П. Денике и утвердить ассигнование необходимых сумм на обработку фотографических материалов экспедиции и оплату стоимости перевозки" (Архив ГМВ, кор. 1, 1927 г., оп.1, д. 5, л. 53б).

29 октября 1927 г. на заседании Совета отдела Советского Востока (протокол № 6) И.Н. БОРОЗДИН сделал предварительное сообщение "об устройстве отчетной выставки по экспедиции МВК в Термез Б.П. Денике и Б.Н. Засыпкина, о плане выставки и смете на нее. Привезенный материал позволяет устроить большую выставку с экспозицией 20 листов чертежей, до 80 архитектурных фрагментов, до 20 планшеток керамики, 20 увеличений и 170 фотографий. Общие расходы по смете на обработку материалов и устройство выставки выражаются в сумме 950 руб.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Считать устройство открытия выставки по экспедиции в Термез первоочередной задачей отдела Советского Востока. 2. Считая необходимым полностью произвести обработку материалов экспедиции, вопрос о точных размерах выставки и расходах на ее устройство поручить разрабатывать заведующему отделом Советского Востока И.Н. Бороздину и хранителю отдела Б.Н. Засыпкину, в смысле разделения суммы по категориям и уменьшению расходов применительно к помещению" (там же, л. 85а).

16 ноября 1927 г. в Москву "прибыли малой скоростью, посланные из Термеза экспонаты" (Б.П. Дение. Автобиографическая канва, с. 55).

18 ноября 1927 г. на заседании Совета отдела Советского Востока (протокол № 7) "Б.П. ДЕНИКЕ докладывает смету на устройство выставки по экспедиции в Среднюю Азию в 1927 году.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Сметы утвердить и представить на утверждение Правления, причем просить, чтобы средства на обработку материалов были увеличены..." (Архив ГМВ, кор. 1, 1927 г., оп. 1, д. 5, л. 86а). В тот же день Правление МВК (протокол № 47) обсудило вопрос об устройстве этой выставки и приняло решение обратиться в Главнауку за дополнительными ассигнованиями (там же, лл. 576-58а).

28 ноября 1927 г. Центральное Бюро Краеведения (далее ЦБК) в Ленинграде направило всем заинтересованным учреждениям отпечатанную типографским способом анкету (вх. № 212, от 3/XII-27 г.) следующего содержания: "ЦБК, подводя итоги деятельности экспедиций, работавших в Союзе в 1927 г. и результатов увязки их с краеведными организациями на местах, просит сообщить, каковы результаты экспедиций, организованных Вашим учреждением в 1927 г.

ЦБК желательно иметь материалы в виде отчетов (печатных или рукописных) руководителей экспедиций, в которых имеются сведения о научной работе экспедиций, их районе деятельности и собранных материалах. Также желательно иметь сведения о том, была ли увязка с краеведными организациями на местах, в чем она выразилась и каковы пожелания руководителей по этому вопросу на будущее время. Материалы просьба выслать в ближайшее время" (там же, 1928 г., оп. 1, д. 8, л. 16).

21 февраля 1928 г. Б.П. ДЕНИКЕ ответил ЦБК (исх. № 108), "что осенью 1927 г. Музеем была проведена экспедиция в Среднюю Азию. Центром работы экспедиции был район города Термеза. Были обследованы, обмерены, зафотографированы памятники архитектуры Древнего Термеза, собран подъемный материал. Особенный ин-

терес представили впервые найденные на территории Союза фрагменты буддийских статуй. Экспедиция была увязана с местными научными учреждениями. В экспедиции принял участие представитель Средазкомстариса проф. В.Л. Вяткин, под руководством которого была проведена археологическая разведка, в результате которой в одном из зданий Термеза была открыта резная гипсовая декорация, относимая к XI веку н.э. Экспедиция была проведена под руководством директора Музея проф. Б.П. Денике, при участии архитектора Б.Н. Засыпкина, научного сотрудника А.С. Стрелкова, Ученого Секретаря Музейного отдела Татарской ССР П.Е. Корнилова... Кроме Термеза, были изучены памятники Джар-Кургана, Ура-Тюбе и Маргелана. Отчет по экспедиции (не напечатанный) будет послан в ЦБК" (там же, л. 4).

Из доклада Я.Г. ЛИДАКА²⁴ о работе Музея в 1927-1929 гг., поданного им в Главнауку в марте 1930 г.: "Сведения о работе по Термезу и Узгенту были внесены в годовой отчет 1926/27 г. по неправильным сведениям, предоставленным отделом Советского Востока... Финансовый отчет по экспедиции в Среднюю Азию (в Термез) в этом году утвержден не был. Все материалы экспедиции Отдела в Среднюю Азию (в Термез) были сданы в Музей без всяких документов" (там же, 1930 г., оп. 1, д. 5, прим. на л. 6).

6 марта 1928 г. состоялось самое первое заседание Ученого Совета МВК, на котором присутствовали 12 человек. "В заключении Б.П. Денике отмечает, что сотрудником отдела Среднего Востока А.С. Стрелковым во время экспедиции в Термез было сделано чрезвычайно интересное открытие, заключающееся в том, что один из архитектурных памятников Термеза является буддийской "ступой". В случае подтверждения этой гипотезы, это будет первым памятником этого рода, открытым на территории СССР...

А.С. БАШКИРОВ²⁵, отмечая итоговый характер докладов..., предлагает в заключение отметить на первом заседании Ученого Совета память о трагически погибшем молодом ученом В.В. Згуре, принимавшем деятельное участие в работе Музея" (там же, 1928, оп. 1, д. 5, лл. 31-32).

29 апреля 1928 г. в Музее открылась "Отчетная выставка по экспедиции 1927 г. в Термез", устроенная сотрудниками отделов Советского и Среднего Востока. "На ней отметим прежде всего вспомогательный материал: карты Средней Азии и термезского района; затем результаты изучения архитектуры Термеза: планы Кырк-Кыза, Султан-Саадат, мечети и мавзолея Хаким аль-Термези, минаретов (термезского и джаркурганского), Зурмалы, здания № 1, ситуацион-

ный план "четыреугольника с сырцовыми стенами"; далее фотоувеличения с памятников архитектуры (в количестве 51 номера) по снимкам Б.Н. Засыпкина и П.Е. Корнилова, отливки с эстампажей гипсовой резной декорации здания № 1 и деталей гробницы Аль Термези.

Экспонирован ряд архитектурных фрагментов из известняка (в количестве 21 номера) и два фрагмента буддийских статуй из того же материала.

Далее мы видим на выставке образцы керамики, характеризующие отдельные районы древнего Термеза. Характерную группу представляет керамика с Чингиз Тепе – из района, где был найден фрагмент статуи Будды. Это керамика с красной окраской и красным лощением. Черепки, собранные в районе крепости – в восточной части древнего Термеза, – имеют сходство с керамикой "саманидского" типа Афросиаба, но более грубой работы. Наконец, особую группу представляет керамика из привокзального района, главным образом, светло-синей и голубой поливы тимуридского типа... Заслуживает быть отмеченной найденная близ здания № 1 единственная пока среди термезских находок терракотовая статуэтка в виде человеческой полуфигуры с деформированным лицом. Выставлены также фрагменты поливной майолики, отвалившейся с главного пиштака мавзолея Султан-Саадат... По родству с некоторыми типами майолики из Шах-и-Зинда в Самарканде термезская майолика может быть датирована рубежом 14-15 в.

Особый отдел на выставке занимает резная гипсовая декорация из здания № 1. Кроме зарисовок и фотографий с оставшейся *in situ* резной декорации стен, выставлено до 50 фрагментов, найденных при археологической разведке и происходящих главным образом из верхней части здания. Особенный интерес представляет часть резной колонны с коранической надписью почерком *насх* (диаметр около 40 см)... Отметим еще среди фрагментов в высшей степени интересную резную капитель, верхняя часть которой украшена мотивом сосочков, встречающимся еще в сасанидском искусстве. Выставлены также части сталактитов и детали с криволинейной резной поверхностью... Сравнительный анализ орнаментации ведет нас к рубежу 11-12 в., но твердое установление датировки и окончательные выводы о художественном характере всей декорации возможны только после новой археологической кампании, раскрывающей памятник в целом" (3, с. 7-12).

18 мая 1928 г. на втором заседании Ученого Совета Музея присутствовали 14 человек (протокол № 2). Одним из вопросов повестки дня стояли отчетные доклады по экспедиции 1927 г. в Тер-

мез, сопровождаемые показом экспонатов выставки. "На предложение Б.П. ДЕНИКЕ задавать вопросы, Л.З. МСЕРИАЦ²⁶ спрашивает, не получила ли экспедиция какой-нибудь легенды о происхождении здания "Кырк-Кыз", что в переводе с узбекского значит "Сорок дев", а Н.И. БРУНОВ²⁷ задает Б.Н. Засыпкину ряд вопросов об архитектурных деталях, в частности, о значении колонны в здании № 1.

На первый из заданных вопросов Б.П. Денике отвечает отрицательно, одновременно отмечая, что это название (Кырк-Кыз) носит целый ряд архитектурных памятников Средней Азии. По вопросам Н.И. Брунова объяснения дает Б.Н. Засыпкин, отмечая, между прочим, что вопрос о назначении колонны в здании № 1 остался для экспедиции, и в частности для него, невыясненным.

А.Е. ХОДОРОВ²⁸, отмечая тщательность проведения экспедиции и крайне высокий интерес, который должны вызвать работы в Термезе, обнаруживающем явные следы перекрещивающихся влияний, одновременно указывает на желательность привлечения к делу обследования научных данных, добытых экспедицией, ученых других специальностей, в частности, историков. Именно с точки зрения последних, он считает, например, крайне интересным выяснение вопроса о том, какими путями шла в Термез буддийская культура, не подымавшаяся, насколько известно, дальше Хотана.

А.С. СТРЕЛКОВ, отвечая А.Е. Ходорову, указывает на ряд новейших работ и исследований, устанавливающих наличие буддийских влияний в Афганистане и даже Средней Азии (Афросиаб). Кроме того, он отмечает путешествия китайских буддистов как факт, подтверждающий наличие определенных культурных связей буддийского мира с Термезом. Что касается путей, по которым эта культура проникала в Среднюю Азию, то он считает нужным искать их на территории Западного Туркестана.

И.Н. БОРОЗДИН, подчеркивая широкий интерес, который выявили работы экспедиции, отмечает необходимость производства в Термезе археологических раскопок, которые позволяют в дальнейшем сделать широкие исторические и социологические обобщения. Б.П. Денике, закрывая заседание, отмечает выяснившееся в результате обсуждения единодушное мнение участников о необходимости продолжения дальнейших углубленных научных изысканий в районе Термеза. ПОСТАНОВИЛИ: Констатируя значительную ценность экспедиционной работы 1927 г. в Термезе, - отметить крайнюю желательность дальнейших углубленных научных изысканий в районе Термеза" (Архив ГМВ, кор. 1, 1928 г., оп. 1, д. 5, л. 48 а-б).

Цитируемый ниже документ не датирован; скорее всего, он был подготовлен в самом конце декабря 1928 г.

"Выдержка из подготовляемого членом
Бюро Просветработы Н.И. ТОЛОКОНСКИМ²⁹
анализа экспозиции по отделу Советского Востока
"Отчетная выставка по экспедиции 1927 г. в Термез".

На выставке имеется 18 фотомонтажей с 50 отдельными фотографиями (архитектурные памятники), 8 архитектурных планов, 21 деталь здания (из известняка), 47 фрагментов резьбы по алебастровой штукатурке (обломки), 7 гипсовых отливок с эстампажей, часть резной колонны и капитель к ней и 25 планшетов с керамикой. Таким образом, очевидно, что общая задача выставки – дать представление о некоторых архитектурных памятниках древнего Термеза. Задача эта решается вне всякой историко-эволюционной связи, и установка выставки имеет резко выраженный архитектурно-археологический уклон. Узкий характер выставки делает ее почти совершенно непонятной для массового зрителя, тем более, что экспозиция материалов, даже в пределах специальной архитектурно-археологической обработки их, оставляет желать многого с точки зрения запросов культурно-просветительной работы. Первое и основное требование, которое должно быть предъявлено, ясность и простота понимания для рядового зрителя, – отсутствует.

Чтобы иллюстрировать это положение, обратимся к самому содержанию выставки, к группам отдельных памятников, представленных в экспозиции. Из имеющихся 21 фрагментов архитектурных деталей из известняка "зданий мусульманского периода" ни один по своей форме не позволяет судить о его назначении. Для рядового посетителя остается совершенно непонятным, к каким частям и каких именно зданий эти фрагменты относятся, не говоря уже об отсутствии какой бы то ни было реконструкции этих зданий (напр., в рисунке и пр.). Имеющиеся на стене "профиля архитектурных деталей" не дают в этом отношении почти ничего нового и не объясняют самих памятников. Точно так же совершенно отсутствует попытка реконструкции статуи Будды, обломок которой демонстрируется на выставке именно как часть статуи. Посетителю остается принять это на веру, так как представить себе на основании этого фрагмента целое для неподготовленного зрителя совершенно невозможно.

Следующей группой материалов являются фрагменты резьбы по алебастровой штукатурке (витрина), в совершенно хаотичном, с точки зрения посетителя, виде чередуются один после другого. Никакого указания на место и характер каждого из них в отдельности он не получает; единственно, что он может узнать, это тот факт, что они представляют обломки штукатурки со "здания № 1", кстати, так и проходящего на выставке под этим малопонятным наименованием.

Ни в самой расстановке фрагментов, ни в пояснительном тексте даже не сделана попытка привести какой бы то ни было план, указать на эволюцию формы, дать анализ орнаментации и т.п. Точно так же, как и на предыдущей группе, остается неизвестным, к каким частям здания относятся фрагменты. Общее впечатление от этой части выставки – хаотичность.

Точно так же бесплано выставлены гипсовые отливки с эстампажей. Нет отметок (номеров) на них самих и таких же номеров на фотографиях, что дало бы возможность зрителю локализовать их и получить общее представление о памятниках. Точно так же нет плана и в порядке и чередовании фотографий, равно как и попытки согласовать их с архитектурными планами, в большинстве своем доступными пониманию лишь специалистам.

Наконец, последней группой материалов являются планшеты с фрагментами керамики. Общая хаотичность выставки именно в этой части достигает своей кульминационной точки. Не говоря уже о полном отсутствии каких бы то ни было попыток реконструировать памятники или хотя бы указать, какого они типа (посуда, ритуальные фрагменты, предметы роскоши, технические, хозяйственные и пр.), многие планшеты не снабжены даже надписями, указывающими название места, у которого они подобраны. Хаотическое нагромождение обломков оставляет зрителя в полном недоумении относительно характера и происхождения их. Архитектурные фрагменты перемешаны с прочей керамикой, причем только изредка и непоследовательно указаны – и не всегда в соответствии с техникой – отдельные типы (майолика, мозаика). Понять хоть что-нибудь в этом бессистемном чередовании черепков для рядового зрителя представляется абсолютно невозможным.

Этикетаж, который мог бы внести хоть некоторую ясность и хоть в некоторой степени нейтрализовать указанные недочеты, к сожалению, этой задачи не выполняет. Прежде всего, останавливает внимание множество отдельных слов и понятий, недоступных пониманию рядового посетителя и, тем не менее, не объясняемых вовсе. Такие слова, как "буддийская ступа", "пахса", "эстампаж", "штукочная резьба", "декорация по штуку", или даже "греко-бактрийский период", "подъемный материал", конечно нуждаются в расшифровке. Точно так же не переведен и не разъяснен целый ряд восточных терминов или названий ("Бодисатва", "Кыр-кыз", "Зурмала" и пр.). Не объяснено, кто такой Аль-Термези и его значение в жизни Средней Азии. Не выдержано и единообразие терминов (напр.: "Буддийский период", "греко-бактрийское государство", "Эль-Термези и Аль-Термези"). Общий этикетаж также страдает значительными недочетами. В краткой исторической справке о Термезе указано, что он является

центром караванных путей в Индию и Китай, между тем, как последнее представляется крайне сомнительным. Справка доведена до XVI века; в ней совершенно отсутствует описание современного Термеза, равно как и какие бы то ни было сведения по экономике и культуре древнего Термеза, причем она ограничивается краткой "Иловойскообразной"³⁰ исторической схемой ("завоеван", "разрушен", "вошел в состав" и пр.). Общего объединяющего описания всей экспозиции не имеется. Заменяющая его краткая справка "Экспедиция Музея Восточных Культур в Термез в 1927 г." не дает достаточно ясной и понятной установки выставки, лишь механически перечисляя работы. На карте не выделен Термез. К карте "Древний Термез" нет пояснительного текста, благодаря чему она становится совершенно не утилизабельной и лишней. Не отмечен даже район работ экспедиции. Почти совершенно отсутствует этикетаж к планшетам керамики, благодаря чему зритель остается в полной неизвестности относительно эпохи, материала, назначения и плана распределения памятников, равно как и порядка последовательности отдельных планшеток. Из более мелких дефектов можно отметить неправильный стилистический оборот, благодаря которому остается неизвестным, кто являлся Аль-Хакимом Термези: сын Алиа или сам Алиа, и чередование слов "надгробие" и "гробница", благодаря чему получается, будто вся гробница является мраморной.

В заключение следует отметить, что как производственный, так и социологический моменты не учтены вовсе, и указание на них отсутствует как в самой экспозиции, так и в этикетеже, хотя, казалось бы, самые общие указания о характере зданий совершенно необходимы.

Никакого популярного путеводителя по выставке не имеется. Помещенные в сборнике статьи носят узкоспециальный характер и понятны лишь для специалиста. Последнее, впрочем, не имеет значения, так как цена (1 руб.) сборника так высока, что не дает никаких перспектив в смысле возможности использования его в качестве путеводителя. Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

Выставка носит узкий археолого-архитектурный характер, причем и в этих пределах непонятна для массового посетителя.

В экспозиции полностью отсутствует социологическая установка, равно как и совершенно не выявлен производственный момент.

Назначение и характер архитектурных памятников не выявлены вовсе, равно как и отсутствует указание на связь между новым и древним Термезом, что лишает выставку и историко-эволюционного значения.

Недостатки экспозиции ни в какой мере не устраняются этикетажем, неприемлемым с точки зрения интересов рядового зрителя.

Все указанное лишает выставку Отдела Советского Востока практического значения в смысле возможностей использования ее для культурно-технических [правка автора – *индустриальных*] нужд и запросов современного Советского Востока, равно как и для культурно-просветительных целей" (там же, 1928 г., оп. 1, д. б/н, лл. 43-44).

18 января 1929 г. на заседании Просветбюро Музея был проведен "анализ экспозиции Отдела Советского Востока (отчетной выставки по экспедиции 1927 г. в Термез). Бюро делает выводы, что:

1. Выставка носит узкий археолого-архитектурный характер, причем и в этих пределах непонятна для массового посетителя.

2. В экспозиции полностью отсутствует социологическая установка, равно как и совершенно не выявлен производственный момент.

3. Назначение и характер архитектурных памятников не выявлены вовсе, равно как и отсутствует указание на связь между новым и старым Термезом, что лишает выставку и историко-эволюционного значения.

4. Недостатки экспозиции ни в какой мере не устраняются этикетажем, неприемлемым с точки зрения интересов рядового зрителя.

5. Все указанное лишает выставку Отдела Советского Востока практического значения в смысле возможностей использования ее для культурно-индустриальных нужд и запросов современного Советского Востока, равно как и для культурно-просветительных целей".

25 января 1929 г. "Бюро Просветработы постановило по анализу (на основании обмена мнений и доклада Н.И. Толконского), что:

1. Отчетная выставка по экспедиции в Термез 1927 г. носит узкий, специальный, отчетный характер и не рассчитана на широкие массы посетителей Музея.

2. Выставка не учитывает социологический [момент] и на ней не выявлен технико-производственный момент.

3. На выставке отсутствуют указания на связь между древним и новым Термезом.

4. Недостатки экспозиции не устраняются этикетажем, мало приемлемым с точки зрения интересов рядового зрителя.

В соответствии с указанным, Бюро считает необходимым признать, что выставка в настоящем виде не может быть использована для целей широкой культурно-просветительной работы" (Архив ГМВ, кор. 1, 1927-1929, оп. 1, д. 5, лл. 9 а-б) и должна быть демонтирована.

Несмотря на отрицательные отзывы о выставке и замечания по финансовым и научным отчетам экспедиции 1927 г., Б.П. Денике так сформулировал продолжение полевых работ Музея в Средней Азии, в частности, в районе Термеза. "В первую очередь должна быть произведена топографическая съемка местности, каковой работе в истекшем году положено лишь начало. Затем необходимо осуществить полное раскрытие стеной резьбы здания № 1, а также закончить обследование всего этого сооружения в целом. Желательно снятие гипсовых отливов со всей стеной резьбы. К дальнейшим задачам ближайшего будущего относятся продолжение изучения Кырк-Кыз, археологические разведки внутри крепости и вокруг Зурмалы (получено принципиальное согласие проф. В.Л. Вяткина вновь принять участие в работе экспедиции). Наконец, должен быть расширен район работы: на очереди исследование анхорской группы развалин, Засурханья и обследование берега Аму-Дарья до Айваджа. Из отдельных исследовательских работ по изучению архитектуры Термеза отметим необходимость раскрытия стеной декорации в мазаре Аль Термези и исследование замурованного помещения рядом.

Другой очередной задачей экспедиционной работы Музея Восточных Культур является изучение местностей также расположенных на Аму-Дарье, но уже по нижнему ее течению – именно Хорезма. Доселе не изученные и скрытые в недрах земли домусульманские памятники материальной культуры и искусства хорезмийцев должны, наконец, быть обнаружены и подвергнуты изучению, так же как памятники мусульманского Хорезма, доселе никем не изученные. Из архитектурных памятников мусульманской эпохи особенный интерес представляют минарет и мавзолей в Куня-Ургенче. Наша работа в Хорезме должна быть проведена в тесном единении с местными научно-общественными организациями с постоянной взаимной помощью Музея и местных краеведческих организаций..." (3, с. 13-14).

1928 г. Третья экспедиция.

8 февраля 1928 г. на заседании Правления МВК (протокол № 4) обсуждался экспедиционный план на 1928 г., на котором "Б.П. ДЕНИКЕ делает доклад о плане проведения экспедиции в Хорезм [здесь и далее подчеркнуто мной – В.В.]. И.Н. БОРОЗДИН дополняет доклад указанием на важность изучения Хорезма в связи с плановым обследованием торговых и караванных путей, соединяющих Среднюю Азию с Поволжьем и Крымом, намеченным Тюркологическим съездом и Керченской конференцией³¹. ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить

представленный Б.П. Денике план экспедиционных работ с дополнениями, сделанными И.Н. Бороздиным" (Архив ГМВ, кор. 1, 1928 г., оп. 1, д. 5, л. 16-6).

9 февраля 1928 г. Центральное Бюро Краеведения прислало в МВК анкету (исх. № 421; вх. № 38 от 11.II.28 г.) с преамбулой следующего содержания: "ЦБК, по примеру прошлых лет, проводит учет научных экспедиций и командировок, намеченных на сезон 1928 г., для оповещения о них краеведных организаций, работающих на территории маршрутов экспедиций и командировок. Цель оповещения – установление контакта и увязки с краеведами, что, как показал опыт предыдущих лет, дает большой положительный результат для обеих сторон. Материалы по этому вопросу (результаты 2-х годового опыта учета и увязки проделанного ЦБК; резолюция 3-й Всероссийской Конференции по Краеведению по этому вопросу; постановление Совещания делегатов Конференции в Госплане РСФСР и постановление СНК РСФСР) будут опубликованы в ближайшее время и по выходе в свет будут высланы.

Вследствие всего вышеизложенного, ЦБК просит возможно скорее сообщить сведения об экспедициях и командировках, намечающихся на сезон 1928 г., по форме указанной на обороте сего отношения, для включения в карточный каталог и рассылки на места извещений. Впоследствии, когда точно выяснится, какие экспедиции и командировки не будут осуществлены по тем или иным причинам, ЦБК просит также об этом ему сообщить.

Вместе с тем ЦБК просит высказаться относительно увязки, путем включения в состав экспедиции членов местных научных обществ, а также относительно того, в каких сторонах работы экспедиций краеведы могут оказаться полезными".

В анкете, копия которой была отправлена в ЦБК 21 февраля (исх. № 107), на обороте вписано от руки:

"Название экспедиции: *Экспедиция по изучению материальной культуры Хорезма.*

Учреждение посылающее экспедицию: *Музей Восточных Культур.*

Маршрут или район работ: *Хорезм (Хива и Куня-Ургенч).*

Опорный пункт: *Куня-Ургенч.*

Задания: *Изучение Хорезма в археологическом, культурно-историческом и историко-художественном отношении. Фото-фиксация памятников архитектуры, обмеры, зарисовки памятников и пр.*

Начальник и состав: *Руководитель Б.П. Денике, Б.Н. Засыпкин и др.*

Время выезда и срок работ: *15 августа по 1 октября.*

Который год работает экспед. и была ли увязка с краеведн. органами и какими: *Впервые.*

Средства испрашиваемые и фактически отпущенные: 1.250 руб. (намечены)" (там же, 1928 г., оп. 1, д. 8, лл. 1-2).

10 февраля 1928 г. Ф.В. ГОГЕЛЬ направил в Госплан письмо (исх. №№ 83): "Музей Восточных культур с первого же года своего существования направил свою экспедиционную деятельность на изучение материальной культуры и искусства Средней Азии. В 1926 году экспедиция Музея работала в Термезе в полосе прилегающей к Аму-Дарье, в местности доселе научно не обследованной. Предварительные результаты экспедиции опубликованы в Сборнике Музея на 1927 год: "Культура Востока"..."

Как продолжение и углубление работы предыдущего года была задумана и выполнена экспедиция в Термез в 1927 году, причем в сферу работы экспедиции был включен Джар-Курган и местности по течению Сурхана. С особой тщательностью были обследованы места, прилегающие к Аму-Дарье в районе древней Крепости. Экспедиция была согласована со Среднеазиатским Комитетом по охране памятников старины и искусства (Средазкомстарис), причем представитель Комитета проф. В.Л. Вяткин принял участие в работе экспедиции и археологической разведке, в результате чего явилось открытие интереснейшей резной штукатурной декорации жилищ, относимой к XI веку. Из других важных открытий экспедиции отметим еще впервые найденные на территории Союза ССР фрагменты буддийских статуй из известняка.

Экспедиция 1928 года намечена Музеем в Хорезм, как естественное продолжение исследовательской работы по течению Аму-Дарьи. Изучение культуры Хорезма, доселе еще не произведенное, является первоочередной задачей изучения материальной культуры Средней Азии. В настоящей экспедиции намечено обследование памятников Хивы и Куны-Ургенча, фотофиксация памятников, производство эскизных обмеров, археологической разведки, имеющей выяснить характер культуры как ранне-мусульманского периода, так и домусульманской культуры хорезмийцев, о которых литературные источники сообщают сведения с VI века до н.э., а памятников материальной культуры доселе не обнаружено.

Намечено также выяснение прежней ирригационной системы в Хорезме, что может представить не только культурно-исторический интерес, но и значение для современного водного хозяйства Средней Азии, т.к. должен быть учтен многовековой опыт прошлого в деле ирригации края. Изучение Хорезма представляется важным в связи с плановым обследованием торговых и караванных путей, соединяющих Среднюю Азию с Поволжьем и Крымом, намеченным Тюркологическим съездом и Керченской конференцией. Настоящий экспе-

диционный план, представленный Директором Музея Б.П. Денике и утвержденный Правлением Музея, представляется в ответ на запрос Госплана от 24 января 1928 года за № 040-8 б" (там же, л. 3 а-б).

2 марта 1928 г. Б.П. ДЕНИКЕ направил в Госплан данные анкеты ЦБК (исх. № 139), как "дополнительные сведения об экспедициях, намеченных Музеем на сезон 1928 г." (там же, л. 5).

6 июня 1928 г. Б.П. ДЕНИКЕ представил в Средазкомстарис (исх. № 352) и Наркомпрос Узбекской ССР (исх. № 353) план работ 1928 года: "Музей Восточных Культур предполагает в текущем году осуществить 3-ю экспедицию в Термез для продолжения начатых работ. Контактируя всегда с местами, мы считаем, что работа должна протекать совместно с работой Самаркандского музея в лице его директора проф. В.Л. Вяткина, который уже дал согласие на совместную работу. Значение участия В.Л. Вяткина, как лучшего знатока исторической топографии древних городов Средней Азии уже сказалось на решении Музея Восточных Культур продолжать стационарную работу в Термезском районе.

К сожалению, результаты этих работ Музей не мог опубликовать из-за того, что у В.Л. Вяткина были похищены его материалы. Производим в текущем году топографическую съемку, чтобы дать возможность В.Л. Вяткину закончить начатую в прошлом году работу. Поэтому просим командировать В.Л. Вяткина в нашу экспедицию за счет Узнаркомпроса сроком на 1¹/₂ месяца с 1 сентября по 18 октября.

Одновременно сообщаем предполагаемый план работ экспедиции: 1) съемка топографического плана древнего Термеза (15-20 кв. км); 2) раскопки под руководством В.Л. Вяткина в здании № 1 в восточной части города; 3) детализация архитектурных обмеров; 4) разведочное обследование анхорской группы руин и Засурханья.

По раскопкам здания № 1 предполагаем открыть всю орнаментальную резьбу этого замечательного памятника и снять гипсовые модели. Одновременно с этим возникает вопрос о последствиях раскопок: 1. По примеру 1927 года все траншеи могут быть вновь засыпаны, что является не совсем желательным ввиду исключительного значения этого памятника. 2. Снятие со стен резьбы и перевозка ее в один из музеев технически очень затруднительны. 3. Лучшим исходом было бы построить над раскопанной частью навеса и учреждение охраны местности под руководством среднеазиатских и всеузбекских органов охраны старины. Последнее является особенно желательным, тем более что в Термезе организуется и Краеведческий Кружок. Эти мероприятия послужат началом Музея в Термезе.

Копии с моделей для Самаркандского музея могут быть сделаны за счет последнего, причем расход на участие в оплате отправляемого Музеем Восточных Культур мастера и на материал выразится в сумме около 200 руб." (там же, л. 7 а-б).

8 июня 1928 г. МВК направил новую анкету в ЦБК (исх. № 360), в ответ на его запрос за № 990 от 15 мая 1928 г. Но на этот раз речь в ней шла об экспедиции не в Хорезм, а в Термезский район.

1. Наименование учреждения: *Музей Восточных Культур.*
2. Исчерпывающий адрес: *Кропоткинская наб., 29.*
3. Который год работает экспедиция: *3-й.*
4. Место формирования экспедиции: *Москва.*
5. Район деятельности экспедиции: *Термезский район.*
6. Маршруты следования экспедиции (хотя бы приблизительно): *Термез — Джар-Курган — Ширабадский район.*
7. Опорные базы или пункты экспедиции — длительные стоянки, запасы провианта (исчерпывающие наименования города, села, района, округа и пр.): *Термез.*
8. Продолжительность экспедиции (приблизительные даты отправления и возвращения экспедиции): *1 1/2 месяца (начиная с 15 августа).*
9. Ответственные руководители экспедиции (фамилии, имена, отчества, научные или служебные положения, адреса, телефоны): *Денике Борис Петрович. Директор Музея (адрес Музея Восточных Культур).*
10. Основные задачи и план экспедиции, в общих чертах: *Археолого-архитектурное изучение Термезского района.*
11. Научно-организационная структура экспедиции (состав, отряды и пр.): *Экспедиция идет единым отрядом.*
12. Бюджет экспедиции: *1.300 руб.*
13. С какими местными научно-исследовательскими, государственными, плановыми, краеведческими учреждениями и организациями намечаются взаимоотношения, в чем именно, в какой форме и пр.: *С Отделом Народного Образования и намечается с образующимся под влиянием экспедиции Краеведческим Кружком.*
14. Была ли эта связь раньше; в чем она выразилась: *Не было.*
15. С какими отдельными местными краеведами установлена связь или установление таковой намечается: *С заведующим Метеорологической станции Б.К. Лелонгом" (там же, лл. 8-9).*

21 июля 1928 г. Б.П. ДЕНИКЕ направил запрос (исх. № 468-9) в Правление "Межрабпомфильма" Совкино: "Государственный Музей Восточной Культуры организует в августе с.г. научно-исследовательскую экспедицию по изучению памятников культуры Средней Азии.

В состав экспедиции входит студент Отделения теории и истории искусств I-го МГУ т. Гиков Р.Б., работающий в данное время у Вас на производстве. Экспедиция считает целесообразным исполь-

зовать т. Гикова и находящийся в его распоряжении киносъемочный аппарат для съемки как работы экспедиции, так и всего района Средней Азии в его экономическом, историческом и культурном отношении. Считая, что подобный фильм, будучи выполнен под научным руководством специалистов в вышеуказанных областях, явится ценным не только как пособие для научно-исследовательской работы, но и представит интерес для широких слоев населения, являясь полезным вкладом в фонд культуры.

Музей Восточной Культуры обращается к Вам со следующим предложением: откомандировать в распоряжение экспедиции т. Гикова, обеспечив его необходимым количеством пленки и дополнительной аппаратурой, при условии предоставления Вам негатива фильма. Взамен этого Музей желал бы получить в свое распоряжение три экземпляра позитива и возмещение дополнительных расходов, связанных специально со съемкой. Об окончательных условиях Музей поручает вести переговоры т. Гикову" (там же, л. 12).

В июле (без даты) 1928 г. Б.П. ДЕНИКЕ обратился к Председателю ВОКС О.Д. Каменевой (исх. № 470): "Прошу Вас оказать возможное содействие в получении визы на въезд в Афганистан студентам I-го МГУ — участникам моего семинара — Гикову Р.Б., Вайсфельду И.В. и Экку А.А. Эти товарищи принимают участие в экспедиции Музея Восточных Культур в Среднюю Азию как практиканты-искусствоведы и киноработники, представляя собою съемочную группу экспедиции. В виду больших трудностей, связанных с организацией подобной кино-экспедиции, весьма желательно, чтобы они могли продолжить свою работу в районе, соседнем с полем нынешних работ экспедиции, за пределами нашего Союза. В виду богатства в "Афганском Туркестане" памятников культуры, родственной культуре древнего Туркестана, снятый там научный фильм представлял бы для Музея чрезвычайный интерес.

Надеюсь, что Вы, как член Ученого Совета Музея, пойдете нам навстречу в этом отношении" (там же, л. 14).

24 июля 1928 г. Музей получил (вх. № 155) ответ из Ташкента (от 18/VII, исх. № 1130): "Ваше отношение от 6/VI-с.г. за № 352 было предметом рассмотрения археолого-реставрационной Комиссии Средазкомстариса. Комиссия, выражая Вам благодарность за сообщение о предполагавшейся в этом году 3-ей экспедиции для изучения термезских древностей, вполне присоединяется к Вашему мнению о том, что "эта работа должна протекать совместно с работой Самаркандского Музея в лице его Директора В.Л. Вяткина". Участие последнего в Вашей экспедиции Комиссия находит особенно цен-

ным. Ваша просьба командировать В.Л. Вяткина для участия в этой экспедиции должна быть направлена в Наркомпрос УзССР, за счет которого, как Вы пишете, будет произведена эта командировка. Со стороны Средазкомстариса препятствия к этому, разумеется, не встречается.

Комиссия, рассмотрев вопрос о способах сохранения откопанных частей здания в Термезе, высказала следующие соображения. Экспедиция предполагает открыть всю орнаментальную резьбу обнаруженного ею здания № 1-й, которое затем, как Вы пишете, может быть вновь засыпано после снятия гипсовых моделей. Эта мера не гарантирует, по мнению Комиссии, сохранности орнаментальной резьбы здания. В подтверждение этого Комиссия может сослаться на случай, имевший место на городище Афрасиаб. Известно, что открытая В.Л. Вяткиным гипсовая панель на Афрасиабе при вторичных раскопках на этом месте оказалась выкраденной.

Вследствие этого целесообразнее снять обнаруженную резьбу по способу, примененному немцами в Восточном Туркестане, и перенести ее для хранения в один из музеев (Термеза или Самарканда). Устройство навеса над раскопанной частью, по мнению Комиссии, не убережет ценного орнамента, так как трудно вдали от жилого помещения организовать надлежащую охрану. Принимая во внимание различные свойства старого, пролежавшего несколько сот лет в земле гипса, и нового, лучше было бы снимать модели по способу, применяемому К.К. Романовым, и не сразу после вскрытия памятника. По вопросу о снятии копий с моделей для Самаркандского Музея Вам надлежит договориться с последним" (там же, л. 15 а-б).

В июле и августе 1928 г. дирекция МВК выдала "Удостоверения" предполагаемым участникам археологической экспедиции МВК, на основании которых можно составить представление о желании Б.П. Денике расширить ее списочный состав. 21 июля удостоверения за №№ 469 и 471 получили Б.Н. Засыпкин, "для предварительного согласования работ в Средазкомстарисе и Узбеккомстарисе" и участия в работах Государственных Центральных реставрационных мастерских в Узгенте, и А.С. Стрелков (там же, 1928 г., оп. 8, д. 2, лл. 48, 52, 64). 25 июля удостоверение за № 476 выдано П.Е. Корнилову, который был "включен в число участников экспедиции МВК в Средней Азии" (там же, л. 55). 10 августа удостоверения за №№ 515 и 522 даны В.С. Попову³², за № 516 самому Б.П. Денике, за № 527 И.С. Засыпкину³³, за № 526 В.Н. Чепелеву³⁴ и за № 528 Б.В. Веймарну³⁵ (там же, лл. 56-58, 60-62).

22 августа 1928 г. Музей получил ответ из Кинематографического акционерного общества "Межрабпом-Русь" (вх. № 173): "В ответ на Ваше отношение от 21 июня с.г. за № 469, присланного нам Главнаукой 13/VIII-с.г. за № 4-100, сообщаем, что условия, предлагаемые Вами, являются для нас неприемлемыми.

В случае возможного изменения условий просим командировать Вашего представителя для ведения переговоров" (там же, л. 13).

14 августа 1928 г. третья экспедиция МВК началась. Маршрут работ: Москва – Ташкент (**19-30 августа**) – Самарканд (**31 августа – 5 сентября**) – Термез, с выездами в города Туркестан и Ургенч (**7-30 сентября**) – Москва.

7 сентября состоялась "первая поездка в древний город. Здание № 1 оказалось тронутым хищниками [грабителями – В.В.]". 9 сентября Б.В. Веймарн и В.Н. Чепелев начали проведение топографических работ. 10 сентября в Термез приехали Б.Н. Засыпкин и П.Е. Корнилов, а 11 сентября – В.Л. Вяткин и П.С. Попов. 14 сентября участники экспедиции начали археологические раскопки" (Б.П. Денике. Автобиографическая канва, с. 61, 62).

В итоге экспедицией "была произведена археолого-топографическая съемка восточной части древнего города, продолжено изучение надземных памятников (пещеры домусульманской эпохи, ангорская группа руин с башней Кафтар-хана), [26 и 27 сентября] совместно со Средазкомстарисом и на средства последнего произведены раскопки в здании № 1 (мусульманская культура) и вдоль стен Крепости (саманидская эпоха)" (Архив ГМВ, кор. 1, 1928 г., оп. 1, д. 5, лл. 55б-60а). "А.С. Стрелков, обследуя пригороды Термеза, [23 сентября] побывал и на возвышенности Кара-тепе, где, по рассказам местных жителей, в массиве южного холма имелись три засыпанные песком пещеры. А.С. Стрелков, проникнув туда, нашел их почти доверху засыпанными песком и заваленными сырцовым кирпичом, провалившимся в пещеры через проломы в потолках. Эти кирпичи принадлежали наземным зданиям, стоявшим над пещерами. По своему размеру (30 x 30 x 12 см) эти кирпичи относятся к доисламскому времени, т.е. до VII-VIII вв. н.э. А.С. Стрелков определил эти пещеры как небольшие буддийские храмы. За отсутствием времени и рабочих рук дальнейшее обследование их было отложено на будущее время" (5, с. 5 и 83).

24 октября 1928 г. на заседании Бюро Просветработы МВК "Б.Н. Засыпкин сделал информационное сообщение о проведении участниками экспедиции массовой просветительной работы среди населения [красноармейцев и профсоюзных организаций – В.В.] Термеза об

историческом прошлом, культурном значении памятников Термеза и задачах их охраны" (Архив ГМВ, кор. 1, 1928, оп. 1, д. 6/н, л. 286), на котором, видимо, предъявил следующий протокол:

"Протокол собрания экскурсантов
Союза Совторгслужащих О/Д округа в г. Старый Термез

21 сентября 1928 г.

Присутствовали 120 человек

СЛУШАЛИ: О значении археологических раскопок (докладчик - Директор Музея восточных культур, проф. Б.П. Денике).

Докладчик, отмечая значение археологических раскопок вообще, останавливается, в частности, на раскопках, производимых в Старом Термезе.

ПОСТАНОВИЛИ: Экскурсанты Союза СТС, посетив район Старого Термеза и выслушав информацию Директора Музея восточных культур профессора Денике, осмотрели под его руководством некоторые из памятников этого древнего города и, учитывая что изучение края, старины и подобных раскопок дают возможность иметь представление о далеком прошлом, о быте и культуре народов задолго до нашей эпохи. Собрание, с целью помощи научным экспедициям охраны имеющихся памятников старины и изыскания новых данных, характеризующих народы до Нового времени, считает необходимым создать Кружок Краеведения, увязав данный вопрос с соответствующими организациями, и в будущем иметь в виду организацию Музея в городе Термезе. Одновременно просит Московский Музей восточных культур дать содействие в деле организации вышеуказанного Кружка и снабжением имеющимися материалами, пособиями. Проведение данного мероприятия в жизнь, возложить на Культотдел Союза Совторгслужащих.

Участники экскурсии и Окрутдел Совторгслужащих отмечают радушный прием и отзыв представителей Научной экспедиции в лице тов. Денике к делу общественной работы и проведение данной экскурсии и выносят ему товарищескую БЛАГОДАРНОСТЬ.

Председатель – Подлипалин. Секретарь – Толмин" (там же, л. 23).

14 октября 1928 г. на заседании Правления МВК "Б.П. ДЕНИКЕ дал краткое информационное сообщение по экспедиции. В 1928 г. экспедиция Музея продолжала изучение древнего Термеза в художественно-археологическом и культурно-историческом отношении. Была проведена археолого-топографическая съемка восточной части древнего города, продолжено изучение надземных памятников (пещеры домусульманской эпохи, ангорская группа руин с башней Кафтар-хана). Наконец, совместно со Средазкомстарисом и на средства последнего были произведены археологические раскопки в зда-

нии № 1 (мусульманская культура 12 века) и вдоль стен Крепости (культура саманидской эпохи). Производилась тщательная фотофиксация памятников. Откопанные фрагменты резной штукатурки, керамики и пр. отправлены в Музей восточных культур³⁶, в Самаркандский и Ташкентский музеи.

На экспедицию израсходовано 1740 руб. 22 коп. Всего было ассигновано Музею на экспедицию 1600 руб. Ввиду увеличения расходов в связи с обслуживанием рабочих, занятых на раскопках, произведен перерасход в размере 140 руб. 22 коп., о покрытии которого Б.П. Денике просит ходатайствовать перед Главнаукой.

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН спрашивает о причинах изменения маршрута, намеченного ранее, о характере экспедиции, по его мнению, носящей археолого-архитектурный характер, и о порядке раздела материалов экспедиции между Средазкомстарисом и Музеем.

Б.П. ДЕНИКЕ, напоминая, что в плане было намечено проведение двух экспедиций (в Хорезм и в Термез), отмечает, что недостаток средств, желание устранить параллелизм в работе и особая договоренность со Средазкомстарисом заставили его ограничиться одним районом Термеза, хотя он и признает нежелательность нарушения плана. Что касается типа экспедиции, то она действительно носила архитектурно-археологический характер, причем раздел материалов между Музеем и Средазкомстарисом был произведен в полном согласии с представителем последнего, Вяткиным.

И.Н. БОРОЗДИН отмечает наличие двух [помимо МВК – В.В.] экспедиций в Хорезм³⁷, что, по его мнению, заставляет приветствовать ограничение задач экспедиции Термезом. Что же касается вопроса о распределении материалов между Музеем восточных культур и Средазкомстарисом, то он считает необходимым строгое формальное закрепление раздела, ввиду возможности конфликта в будущем.

ПОСТАНОВИЛИ: а) доклад Б.П. Денике принять к сведению; б) по просмотре фин. отчета финчастью, обратиться в Главнауку с ходатайством о покрытии перерасхода; в) считать необходимым произвести оформление раздела материала между Музеем восточных культур и Средазкомстарисом" (там же, 1928 г., оп. 1, д. 5, л. 596).

19 октября 1928 г. состоялось совещание работников отделов Советского и Среднего Востока МВК, на котором присутствовали: И.Н. Бороздин, Б.П. Денике, Б.Н. Засыпкин и А.С. Стрелков.

"1. СЛУШАЛИ: Протокол совещания участников экспедиции в Термез от 10.X.1928 г. ПОСТАНОВИЛИ: Протокол принять со следующими расходами: 1. Чертежные работы – 200 р. 2. Фотоработы – 192 р. 3. Гипсовая отливка – 100 р. 4. Монтаж архитектурных фрагментов – 100 р. 5. То же, домусульманских – 30 р. 6. То же, керамика

– 75 р. 7. Чертежные материалы – 40 р. Всего на сумму 737 р. Означенный расход выделить из средств на обработку материала экспедиции и считать его минимальным. План работ включить в производственный план Отдела на 1-е полугодие 1928/1929 будущего года...

3. СЛУШАЛИ: Вопрос об обработке материалов экспедиции 1928 г. в Термез.

Б.П. ДЕНИКЕ докладывает протокол совещания участников экспедиции от 10 октября 1928 г., в котором изложены план и сметные предложения по обработке, исчисляемые в сумме 737 р. План этот обсуждался в совещании работников отдела Советского Востока 19 октября 1928 г., где выяснились все расходы Отдела по научной части, включая и расходы по обработке. На заседании Правления Музея в октябре 1928 г., при распределении научных средств, было решено эти средства разделить поровну между отделами. Таким образом, на весь Отдел Советского Востока приходится 800 рублей, что, очевидно, не хватит для удовлетворения нужд Отдела, и поэтому он [Б.П. Денике], как зав. отделом Среднего Востока, предлагает для обработки материалов экспедиции использовать средства Отдела Среднего Востока, тем более, что в некоторой части интересы обоих отделов в работах в Термезе объединяются.

И.Н. БОРОЗДИН заявляет, что его точка зрения, что на обработку материалов экспедиции должны ассигновываться общемузейные средства, не нашла поддержки в Правлении.

Б.Н. ЗАСЫПКИН заявляет, что распределение средств поровну между всеми отделами является несправедливым. Отдел Дальнего Востока, существуя 8-9 лет, является сорганизовавшимся отделом; между тем, как отдел Советского Востока, существует фактически с 1 октября 1927 г. (только с этого числа зав. Отделом И.Н. Бороздин и хранитель Отдела Б.Н. Засыпкин получают полные оклады), т.е. год с небольшим, и нуждается в средствах гораздо больше. Кроме того, пора уже поставить вопрос о значении отдела Советского Востока, и беседа И.Н. Бороздина с [зам. Начальника Главнауки] т. Лиз указывает, что мы найдем поддержку в Главнауке, если ее не найдем в Правлении Музея.

Б.Н. ЗАСЫПКИН заявляет, что он лично против получения средств из отдела Среднего Востока, т.к. это выход из положения двух отделов, а не серьезное отношение к задачам отдела Советского Востока...

ПОСТАНОВИЛИ: Просить Правление изыскать средства в сумме 737 р. на обработку материалов, с учетом сумм уже потраченных из научных ассигнований. Обработку материалов поручить отделу Советского Востока с привлечением сотрудников отдела Среднего Востока. Просить Правление Музея для чертежных работ пригласить

на сделанную оплату Б.В. Веймарна и для фотографических работ М.Н. Засыпкина³⁸. Привезенные материалы экспедиции после составления описей передать в отдел Советского Востока...

4. А.С. СТРЕЛКОВ просит разрешить опубликовать по предложению проф. Сальмони в "Artibus Asiae" результаты и некоторые предметы по буддийскому искусству из Термеза, из материалов экспедиции МВК в Термез в 1928 г.

ПОСТАНОВИЛИ: Ходатайствовать перед Правлением о разрешении опубликовать просимые материалы" (там же, 1928 г., оп. 1, д. 6, лл. 8а, 9б-10а и 11б).

К сожалению, результаты работ этой экспедиции в целом так и не были изданы.

28 ноября 1928 г. на заседании Правления МВК (протокол № 6) "Б.П. ДЕНИКЕ сообщает, что по всему привозу [материалов] экспедиции будет составлен особый акт, на котором он предполагает получить визу Узбеккомстариса в лице В.Л. Вяткина" (там же, 1928 г., оп. 1, д. 5, л. 62а).

7 декабря 1928 г. на заседании Правления МВК (протокол № 8) утверждался отчет по экспедиции 1928 г. "Я.Г. ЛИДАК говорит, что... он решил поставить вопрос о произведенной летом в 1928 г. научной экспедиции, в частности, о денежной отчетности, так как на его долю выпала роль утверждения израсходованных сумм по экспедиционной работе в Термезе. Не желая взять на себя единоличной ответственности, он решил этот вопрос вынести на Правление Музея, тем более, что приходится сомневаться в правильности и закономерности представленных на утверждение ему счетов. Вот эти причины как раз поставили вопрос о законности экспедиции вообще, ибо [во-первых] Правление Музея не было поставлено в известность об изменениях [ее маршрута]. Вся экспедиция [в Термез, а не в Хорезм] явилась единоличной затеей тов. Денике. Во-вторых, тов. Лидак считает нужным вынести вопрос об экспедиции еще и по тем причинам, чтобы в будущем ввести экспедиционную работу в русло плановости и коллективно продуманной работы.

Конечно, счета невелики и суть дела не в этом, а в том, что нет законных предпосылок для утверждения этих счетов, а именно: экспедиция по производственному плану и по смете утверждена Правлением Музея в Хорезм, а экспедиция почему-то без санкции Музея поехала в Термез без всякого предварительного плана и утверждения. Ездил туда 7 человек, даже посторонние, не служащие нашего Музея, которым уплачивались суточные. На этих лиц не составлены никакие договоры и вообще неизвестно, что они делали; может быть

они действительно явились нужными работниками, но в бумагах это нигде не оформлено.

Тов. Лидак просит не обижаться, если он кого-либо задевает своим выступлением, так как делает это не из-за личных интересов, а из-за интересов государства. Когда у нас дорога каждая копейка, когда везде и повсюду выброшен лозунг планомерности и строго взвешенной, рассчитанной работы при возможно меньших материальных затратах, и в научной работе должна быть выработана строгая система, и коллективом Правления и Просветбюро должны одобряться планы действия. В музейной работе также должна проявляться коллективная воля Правления, а с идеологической стороны – воля Бюро Просветработы.

Что говорят данные об экспедиции. Ездил в Термез 7 человек без ведома на то Правления Музея, без сметы, без плана; из них некоторые не наши сотрудники, как то Корнилов, Веймарн, некто Попов из Самарканда. Эти лица, не состоя в нашем Музее, получили суточные и дорогу. Нигде о них нет договоров и никакого следа о том, что они работали. Главное, ничего об этом не знало Правление Музея. За 44 дня израсходовано 1.740 руб. 22 коп., причем на 140 руб. сделан перерасход. Помимо того, за счет хозяйственных сумм за перевоз уплачено свыше 100 руб. Починка кипрегеля стоила 120 руб, но инструмента этого у нас нет и договора о дальнейшем пользовании [им] также нет. Нельзя так бросаться деньгами влево и вправо без всякого на то плана.

О самой экспедиции тов. Лидак с точки зрения научной не берется говорить, так как в этом вопросе не спец, но говорит, что в книге поступления нет документов на некоторые коллекции, привезенные из Термеза. Отсутствие описей, дневников, актов и т.д. Таким образом, трудно говорить о строго научной обоснованности того или другого предмета. Чем можно доказать, что такой-то кусок камня является буддийским памятником, если на то нет документов. В данное время по Отделу Советского Востока кроме обломков камня ничего не имеется.

Б.П. ДЕНИКЕ, отмечая, что Я.Г. Лидак поднял вопрос без всякой попытки предварительного согласования его с ним и даже не спросив у него объяснений, одновременно считает неправильным, что Я.Г. Лидак сделал свое заявление в текущих делах [Музея], потребовав экстренного заседания Правления и не включив вопроса в повестку дня, так что он, Денике, оказался совершенно неподготовленным к вопросу и не может, естественно, подобрать в настоящий момент материалы, объясняющие его действия.

Переходя далее к ответу по существу, Б.П. Денике указывает, что им действительно было допущено изменение маршрута экспеди-

ции ввиду, во-первых, того обстоятельства, что на поездку в Хорезм необходимы были гораздо более значительные суммы, чем отпущенные Главнаукой, во-вторых, потому, что он, как руководитель экспедиции, хотел избежать параллелизма в работе (экспедиция Преображенского и экспедиция Академии материальной культуры)³⁹, а в-третьих, потому, что не имел возможности собрать Правление ввиду того, что в июне месяце, когда было принято окончательное решение о поездке в Термез, налицо не было кворума Правления. Несмотря на это, он считает все же крупным упущением со своей стороны то обстоятельство, что проект изменения маршрута экспедиции не был проведен через Правление, хотя научная целесообразность работ была подтверждена Ученым Советом в мае месяце 1928 г.

По вопросу о научно-технической стороне работ экспедиции Б.П. Денике, напоминая о своем научном стаже, говорит, что с научной стороны экспедиция была проведена в полном соответствии с требованиями науки, и все, что в этом отношении требуется, оформлено или будет оформлено надлежащим образом. Что касается; в частности, счетов, то им будет присоединена к отчету объяснительная записка, исчерпывающе освещающая характер произведенных расходов. По вопросу о приглашении посторонних Музеем лиц, он напоминает о неоднократных указаниях Главнауки на необходимость установления тесных связей с местными работниками и считает, что в этом отношении он действовал в полном соответствии с директивами Главнауки, хотя, возможно, с формальной стороны им и допущены некоторые упущения (напр., несоставление особых договоров-соглашений). По вопросу о работе этих сотрудников он указывает, что каждому работнику или группе их были даны особые задания, причем об объеме и характере произведенной ими работы им будут даны исчерпывающие письменные разъяснения.

Ф.В. ГОГЕЛЬ указывает, что в доложенном в Правлении кратком информационном сообщении об экспедиции (оно не было отчетом, т.к. не содержало ряда отчетных данных) было отмечено, что в производственном плане Музея имелась двойная экспедиция и в Хорезм, и в Термез, и что для пользы дела Б.П. Денике было избрано направление на Термез. Это сведение не подтверждается фактами; в утвержденном Правлением производственном плане Музея имелась одна экспедиция - в Хорезм, без упоминания о Термезе. Тем не менее, уже в марте месяце 1928 г., когда все Правление было в Москве, Б.П. Денике без ведома Правления сделал письменное сношение с Военно-Топографическим Управлением о предоставлении Музеем планов и карт, т.к. в 1928 г. Музей отправляет экспедицию в Термез. Также об экспедиции только в Термез Б.П. Денике писал и в Центральное Бюро Краеведения и в Средазкомстарис в начале июня 1928

г., без ведома Правления, хотя в Москве имелись члены Правления и его можно было созвать. Протокол Ученого Совета, на который ссылается Б.П. Денике, не был утвержден Правлением. Кроме того, в постановлении этого протокола есть лишь общее указание на желательность продолжать работу в Термезе без указания на 1928 год; между тем, в том же заседании Ученого Совета был утвержден производственный план 1928 г. с экспедицией в Хорезм. Таким образом, экспедиционный план был изменен руководителем экспедиции единолично без согласования с Правлением, хотя имелась на то полная возможность.

Согласно правилам о выписке авансов, к заявлению об авансе должна быть приложена смета на предполагаемые расходы — об этом напечатано на каждой бланке авансового заявления. Б.П. Денике выписал аванс на сумму в 1.600 руб., не делая никаких ссылок на сметы расходов, т.к. такие сметы и не проводились через Правление, как и самый план экспедиции в Термез. Из сказанного ясно, что число участников экспедиции — 7 человек, Правлением также не утверждалось. Что же касается ссылок Б.П. Денике на свою научную квалификацию, в силу которой, по его мнению, нельзя даже предполагать, чтобы он мог вести неточную научную документацию получаемых экспедицией материалов, то факты и документы как раз указывают, что эта документация нигде в Музее до сих пор официально не зарегистрирована. При своем вышеуказанном информационном сообщении об экспедиции Б.П. Денике никаких документов о научной работе, ни их описей Правлению не представлял, и эти документы нигде в Музее официально не зарегистрированы. Так как со времени возвращения экспедиции прошло два месяца, теперь эти документы имеют уже второстепенный интерес, т.к. никак не может быть удостоверено, что они составлены на месте работ, а описи — в момент привоза вещей в Музей; может быть, они дополняются и составляются в настоящее время.

Документальная сторона экспедиции 1926 г. и 1927 г. также страдает крупными дефектами. До сего времени в Книге поступлений научного инвентаря, куда записывались материалы экспедиции, против них графа "основание и документы поступления" совершенно пустует, т.е. никаких ссылок на документы нет — значит в момент записи никаких документов и не было. Если бы эти документы теперь и были где-нибудь обнаружены, то как своевременно в книгах Музея не зарегистрированные, они через 1 и 2 года уже теряют всякое научное и официальное значение.

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН говорит по вопросу о [имевшейся у Б.П. Денике] возможности информировать Правление и получить его санкцию на перемену маршрута экспедиции, причем доказывает наличие

этой возможности даже в августе месяце, перед самым отъездом экспедиции.

И.Н. БОРОЗДИН также считает, что было необходимо с формальной стороны провести изменение маршрута через Правление. Переходя же к существу вопроса, он подробно мотивирует научную целесообразность экспедиции в Термез (недостаток средств экспедиции в Хорезм, необходимость избежать параллелизма в работе, наличие особой договоренности со Средазкомстарисом и необходимость работы в тесном научном контакте с местами и, наконец, большие научные достижения экспедиции). Затем И.Н. Бороздин переходит к вопросу о научной документации, описывая, на основании личного опыта, порядок ведения дневника записей во время раскопок. Как руководитель Отдела Советского Востока, он заявляет, что привоз экспедиции будет оформлен надлежащим образом, и что работа над этим производится персоналом Отдела непрерывно. В заключение он отмечает целесообразность, в частности, расходов на исправление кипрегеля, с помощью которого произведена топографическая съемка местности, и расходов по привлечению местных научных работников, что вообще является одной из основных задач Отдела.

Б.П. ДЕНИКЕ, соглашаясь с тем, что им был допущен ряд небольших недочетов с формальной стороны, настаивает на полной научной целесообразности изменения маршрута и самого характера ведения работ экспедиции, протекавшей к тому же в исключительно тяжелой обстановке.

Н.В. КУЗЬМИН⁴⁰ приветствует постановку Я.Г. Лидаком вопроса о точном выполнении производственных планов, т.к. это органически связано с работой производственных совещаний, и отмечает необходимость детальной проработки планов как всей вообще научной, так, в частности, и экспедиционной работы, причем говорит о крайней желательности и даже необходимости прорабатывать их на производственных совещаниях.

Я.Г. ЛИДАК возражает Б.П. Денике и говорит, что Денике ссылается на свой большой научный стаж, но практически делает не так, как надо. "Прохлопал" смету-план, игнорировал коллектив Правления и экспедицию проводил по единоличному своему усмотрению. На слова тов. Денике о том, что сделано небольшое упущение и что экспедиция научно признана, тов. Лидак отвечает, что в части единоличного действия Денике можно усмотреть не только упущение, но и граничащее даже с преступлением, ибо единоличная форма работы в советских учреждениях давно отброшена.

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН, отмечая, что Я.Г. Лидак ставит вопрос в такой форме, в какой он никогда в Правлении не ставился, спрашивает его, какой же он предлагает сделать вывод из своего доклада,

имея в виду, что к утверждению отчета, при наличии со стороны докладчика определенных указаний на правонарушения, Правление должно подходить крайне осторожно.

Я.Г. ЛИДАК отвечает, что выводы из его доклада должно сделать Правление в его целом.

И.Н. БОРОЗДИН вносит предложение просить Б.П. Денике представить особую объяснительную записку по существу поднятого вопроса.

ПОСТАНОВИЛИ: Констатируя наличие изменения маршрута экспедиции, отсутствие плана и сметы ее проведения и отсутствие санкции Правления – просить Б.П. Денике представить письменные объяснения по существу поднятых докладчиком вопросов” (там же, лл. 66а – 67б; машинописные тексты этого протокола по выступлениям Ф.В. Гогеля и Я.Г. Лидака, завизированные их подписями, см. лл. 68а – 69б).

11 декабря 1928 г. Акт комиссии ГНК, сохранившийся в оригинале и копии: “Комиссия в составе представителя Главнауки НКП А.А. Лукьянова, директора МВК Б.П. Денике, зам. директора МВК Я.Г. Лидака и Ф.В. Гогеля и члена Правления Группкома учреждений Главнауки Н.В. Кузьмина, на основании устного распоряжения Зам. Начальника Главнауки т. Лиз, ознакомилась с деятельностью МВК в части экспедиционной работы за 1927-1928 бюджетный год и установила следующее:

1. В производственный план Музея на 1928 г. была включена одна экспедиция в Хорезм, общее обоснование которой было доложено директором [Б.П. Денике] Правлению Музея 8 февраля 1928 г. и утверждено Правлением в протоколе № 4.

2. В проект годовой сметы Музея на 1927/1928 б.г., утвержденный Правлением Музея 10 мая 1927 г., сумма на экспедицию в Хорезм была включена, но отдельно смета на экспедицию в 1928 г. Правлением не рассматривалась и не утверждалась.

3. Главнаука экспедицию в Хорезм включила в свой экспедиционный план, с отпуском на экспедицию 1.300 р., с количеством участников в 4 человека, о чем Музей был извещен отношением Главнауки от 13 апреля 1928 г. за № 53320. В делах Музея означенного извещения не нашлось.

4. Вопреки производственному плану Музея, а также разрешению Главнауки на экспедицию в Хорезм, начальником экспедиции Борисом Петровичем Денике экспедиция была произведена в Термез по его усмотрению, для продолжения работ экспедиции предыдущих 2-х лет.

5. Изменение маршрута и содержания работ экспедиции было намечено директором Музея Денике Б.П. еще в марте 1928 г., что

подтверждается отношением Музея в Главное Военно-Топографическое Управление от 21.III.28 г. за № 184, и отношением ЦВК от 8.IV.28 г. Однако означенное изменение экспедиции вместо Хорезма в Термез Правлением не рассматривалось. По поводу заявления директора Музея Б.П. Денике о невозможности созыва Правления для обсуждения этого вопроса, Комиссия устанавливает, что обсуждение его в Правлении было вполне возможно на одном из заседаний Правления, регулярно происходивших 2-3 раза в месяц до июля 1928 г.

6. В экспедиции в Термез участвовало 7 человек (вместо 4-х, утвержденных ГНК), из коих сотрудников Музея 3 человека: Б.П. Денике, Б.Н. Засыпкин и А.С. Стрелков; остальные 4 человека были приглашены руководителем экспедиции по своему усмотрению, с оплатой им суточных и проезда без всякой документальной фиксации. Кроме того, на месте работ им был приглашен Попов В.С., которому тоже выплачивали суточные.

7. Работа экспедиции в Термезе, по сообщению Б.П. Денике, проводилась совместно со Средазкомстарисом, который предоставил рабочую силу для раскопок, а также руководителя по раскопкам в лице профессора Вяткина В.А. На основании этого Комиссия считает участие в экспедиции Музея восьми человек необоснованным.

8. Экспедицией привезено большое количество материала, как подъемного, так и раскопочного, однако никаких документальных данных по этим материалам в Музее не имеется, т.к. при работе экспедиции общего дневника не велось и не составлялось никаких других документов, свидетельствующих о происхождении добытых предметов.

9. Привезенные экспедицией материалы являются частью всего добытого материала, так как другая часть осталась в распоряжении Средазкомстариса, причем никаких документальных данных как о совместной работе экспедиции Музея со Средазкомстарисом, так и о распределении между ними материала не имеется.

10. В Комиссию был представлен в качестве документа – дневник, черновые записи в личной тетради Б.Н. Засыпкина, находящейся у него на руках и им обрабатываемые.

11. Привезенные экспедицией в Москву материалы не учтены приемными актами и в Книгу поступлений не записаны.

12. Комиссия обращает внимание на то обстоятельство, что материалы предыдущих 2-х экспедиций в Термез (1926-1927 гг.) записаны только в Книгу поступлений, причем в графе “основание и сопроводительные документы” записи со ссылкой на документы отсутствуют. В книгу научного инвентаря отдела Советского Востока, где на 11 декабря 1928 г. числится 339 номеров, эти материалы не внесены,

между тем, это обстоятельство Комиссией Главнауки, обследовавшей Музей в 1927 г., было особо отмечено.

13. На экспедицию в Хорезм Главнаукой было отпущено 1.600 р. (1.300 по плану и 300 р. дополнительно). На экспедицию же в Термез израсходовано, согласно отчету, 1.740 р. 20 к. и, кроме того, 120 р. на оплату груза экспедиции и 120 р. на починку кипрегеля, принадлежавшего Главному Военно-Топографическому Управлению.

Все вышеизложенные в Акте обстоятельства Комиссия считает необходимым поставить на специальное обсуждение Правления Музея, после чего сообщить окончательные данные в Главнауку".

Приписка Б.П. Денике от руки на первом экземпляре, отпечатанная на машинке в копии: *"Со своей стороны отмечаю, что по постановлению Правления от 7.XII.28 г. и с устного разрешения Пом. Нач. Главнауки т. Лиз, представление мной объяснительной записки с подробным изложением обстоятельств дела отложено до заседания Правления 18.XII.28 г. (полный состав членов Правления). Затем указываю, что не согласен с существом изложения пункта 4, т.к. считаю, что Главнаука была осведомлена из личных переговоров в течение лета 1928 г. о намечавшемся изменении маршрута экспедиции, а также с пунктами 8, 9, 12, по которым мною будет дано подробное объяснение в моей объяснительной записке"* (там же, 1928, оп. 1, д. 9, лл. 22-23 (оригинал); оп. 1, д. 5, лл. 93а-94а).

21 декабря 1928 г. состоялось специальное заседание Правления МВК (протокол № 9), посвященное экспедиции 1928 г., на которое были приглашены представители Главнауки В.А. Эйферт, К.Э. Гриневич и А.А. Лукьянов, а также член Бюро Просветработы МВК Н.И. Толоконский и хранитель музея Б.Н. Засыпкин. Председатель - В.А. Эйферт, секретарь - В.Н. Кацауров⁴¹.

"1. В.Н. КАЦАУРОВ зачитывает протокол предыдущего заседания Правления.

И.Н. БОРОЗДИН возражает против редакции резолютивной части протокола, указывая, что [по] первой части постановления, констатирующей изменение маршрута экспедиции без санкции Правления и отсутствие плана и сметы на ее проведение, [решение] фактически принято не было.

В.Н. КАЦАУРОВ, давая объяснения, указывает, что в первоначальной редакции им была опущена эта часть, так как он не помнил, чтобы эта часть резолюции была принята Правлением. Во время ознакомления Я.Г. Лидака с проектом протокола последний отметил, что им при обсуждении резолюции было указано на необходимость констатировать указанные в первой части резолюции моменты, причем со стороны членов Правления не последовало никаких возраже-

ний. Ввиду того, что членом Правления Ф.В. Гогелем указанное обстоятельство было подтверждено, он, В.Н. Кацауров, допуская возможность упущения со своей стороны, включил указанную часть в протокол, предварительно согласовав этот вопрос с председателем Правления Б.П. Денике.

Отвечая на вопросы председателя, Ф.В. Гогель и Я.Г. Лидак подтвердили заявление В.Н. Кацаурова.

Б.П. ДЕНИКЕ, отмечая, что он не помнит, чтобы резолюция была принята с включением первой части, указывает, что он дал согласие на ее включение в протокол, считая ее малозначительной.

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН отмечает, что Я.Г. Лидак действительно сделал заявление, о котором идет речь.

И.Н. БОРОЗДИН отмечает, что возможно в общем разговоре такое заявление и было, хотя он его не помнит, но считает, что [оно] не было принято Правлением в постановлении, тем более, что по существу эта часть резолюции представляется ему необоснованной, так как нельзя делать никаких выводов и заключений до заслушания объяснений Директора.

В.А. ЭЙФЕРТ, констатируя разногласие среди членов Правления по вопросу о резолютивной части прошлого протокола, предлагает утвердить предоставленный протокол, предложив членам Правления, несогласным с резолюцией, представить особое мнение в письменной форме.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить...

2. Заслушивание объяснительной записки Б.П. Денике по вопросу о проведении экспедиции 1928 г. и акта обследования комиссии Главнауки.

А.А. ЛУКЬЯНОВ зачитывает акт.

Б.П. ДЕНИКЕ зачитывает объяснительную записку. По предложению председателя присутствующие задают ряд вопросов.

К.Э. ГРИНЕВИЧ просит зачитать цитату из "Положения о Музее", разрешающую Директору в отдельных случаях при отсутствии кворума Правления принятие решений с последующим докладом Правлению, затем спрашивает, увязана ли, и как экспедиция 1928 г. с экспедициями прошлых лет, существует ли производственный план работ Правления, поднимали ли члены Правления вопрос об экспедиции, была ли попытка согласовать экспедицию Музея с другими экспедициями, в частности, с экспедицией ГАИМК, был ли заключен с рабочими официальный договор, если не было предварительной сметы, то какова смета исполнительная.

А.А. ЛУКЬЯНОВ спрашивает, почему комиссии не было представлено тех документов, которые указаны в описи, приложенной к объяснительной записке Б.П. Денике, равно как и отмечает, что опись

должна была быть составлена или на месте или по приезде экспедиции.

В.А. ЭЙФЕРТ спрашивает, где должна была быть составлена опись документов и каков порядок записи документов.

Н.В. КУЗЬМИН спрашивает, все ли фотографии были засняты на месте.

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН задает вопрос, когда было принято окончательное решение об изменении маршрута.

Я.Г. ЛИДАК спрашивает, следовало ли вести на месте опись и дневник, в котором были бы указаны работы отдельных сотрудников и все находки, как это требуется инструкцией.

Ф.В. ГОГЕЛЬ спрашивает, является ли В.Л. Вяткин руководителем раскопок в здании № 1, так как участники экспедиции по возвращении сообщали, что он от этого руководства отказался; кем подписан дневник Б.Н. Засыпкина; был ли составлен акт при вскрытии ящиков, прибывших в Музей с материалами экспедиции. Этому вопросу он придает значение ввиду того, что на представляемых фотографиях экспедиции большой сосуд-"хум" изображен целым, между тем, он теперь разбит и состоит из отдельных черепков и, очевидно, разбился в дороге; возможно также были разбиты или утрачены в дороге и другие материалы экспедиции, что можно установить только путем сличения акта вскрытия ящиков и полевой описи.

Б.П. ДЕНИКЕ, отвечая на вопросы К.Э. Гриневича, зачитывает цитату из "Положения" о праве Директора принимать решения с последующим докладом Правлению. Затем сообщает, что в один из последних дней работы экспедиции 1927 г. сотрудником Б.Н. Засыпкин была замечена в земле белая полоска, при расчистке оказавшаяся частью здания: - раскопки 1928 г. и явились результатом этого открытия. По вопросу о работе Правления он сообщает, что производственный план работ имеется; что же касается активности членов Правления в деле рассмотрения планов работ и порядка проведения экспедиции, то таковая отсутствовала, если не считать зав. отделом Советского Востока И.Н. Бороздина, с которым все было согласовано, Попытки согласовать экспедицию с другими экспедициями, в частности, экспедициями ГАИМК'а, не было, хотя предварительное обсуждение планов экспедиционной работы Музея с отдельными лицами (академик В.В. Бартольд, проф. А.С. Башкиров) имело место. С рабочими на месте работ экспедиции был заключен особый договор руководителем раскопок В.Л. Вяткиным (оплата рабочей силы была произведена за счет Средазкомстариса). В заключение Б.П. Денике сообщает сводные данные по расходам на проведение экспедиции (500 руб. - выплата суточных участникам экспедиции, 500 руб. -

оплата проезда и 600 руб. - расходы по оборудованию экспедиции необходимыми материалами).

Отвечая А.А. Лукьянову, Б.П. Денике указывает, что в момент производства дневники участников находились у них на руках для обработки, почему и не могли быть представлены в тот момент.

Отвечая В.А. Эйфарту, Б.П. Денике отмечает, что опись, конечно, должна была быть составлена на месте, и он считает упущением, что она не была составлена, но указывает, что упущение было вызвано, во-первых, отсутствием средств, заставивших несколько преждевременно закончить экспедицию, а во-вторых, тяжелой обстановкой [во время проведения] работ

Отвечая Н.В. Кузьмину, Б.П. Денике сообщает, что все фотографии были произведены на месте. Б.Н. Засыпкин вносит в заявление Б.П. Денике исправление, указывая, что один снимок с привезенных экспедицией материалов сделан в Музее.

Отвечая В.А. Гурко-Кряжину, Б.П. Денике говорит, что окончательное решение о перемене маршрута экспедиции и отказ от поездки в Хорезм был принят уже на месте, в Средней Азии (28 августа), в результате выяснения нецелесообразности дублирования экспедиции с ГАИМК'ом. Планы же работы в Термезе были намечены раньше, в течение июня-июля месяцев.

Отвечая Я.Г. Лидаку, Б.П. Денике соглашается с рядом формальных недочетов по вопросу об отсутствии составленной на месте описи, причем указывает, что сама опись составлена уже после акта обследования.

Отвечая Ф.В. Гогелю, Б.П. Денике указывает, что В.Л. Вяткин является ответственным и за производство раскопок в здании № 1 и что руководитель этих работ Б.Н. Засыпкин делал ему, как общему руководителю, доклады о своей работе каждый день. В отношении остальных вопросов Ф.В. Гогеля он дает отрицательный ответ (дневник не подписан, актов вскрытия не имеется).

И.Н. БОРОЗДИН, поддерживая заявление Б.П. Денике, указывает, что В.Л. Вяткин, будучи общим руководителем раскопок, безусловно является ответственным лицом за археологические раскопки во всем районе работ экспедиции.

Я.Г. ЛИДАК напоминает, что он отказался от утверждения отчета ввиду того, что он не видел законных предпосылок для его утверждения ввиду того, что экспедиция не имела утвержденных Правлением плана и сметы, а маршрут ее был изменен по единоличному решению Б.П. Денике.

По предложению В.А. Эйфарта, В.Н. Кацауров оглашает ряд дополнительных документов - протокол Правления от 14/XI с.г. за № 4

в части, касающейся вопроса об экспедиции (п. 4), и Протокол заседания Ученого Совета от 18 мая 1928 г. (за № 2).

В.А. ЭЙФЕРТ, резюмируя задачи, стоящие перед заседанием, считает, что вопрос распадается на три части. Первой из них является вопрос об изменении маршрута, а также выяснения научной целесообразности этого изменения, второй – вопрос о материальной отчетности, а также связанных с ним вопросов проработки планов и сметы проведения экспедиции, и, наконец, третьей – цикл вопросов, связанных с научной документацией как самого производства работ, так и оформлением привоза экспедиции. Предлагая вести обсуждение отдельно по этим трем центрам, он предлагает одновременно ограничить время отдельных выступлений 10-минутным сроком. Предложение В.А. Эйфerta принимается.

А). Об изменении маршрута.

Б.Н. ЗАСЫПКИН считает, что еще весной стало известно о проектах ленинградских экспедиций в Хорезм, вызвавших опасность дублирования экспедиционной работы Музея. Командированный в Среднюю Азию несколько ранее других участников экспедиции, он в середине августа имел беседу с председателем Средазкомстариса И.И. Умняковым, причем последний указал ему, что считает нецелесообразной экспедицию МВК в Хорезм ввиду того, что туда едет и при том с целями совершенно аналогичными плану работ экспедиции Музея – экспедиция ГАИМК. В августе же месяца он, Б.Н. Засыпкин, имел беседу с Якубовским, одним из руководителей экспедиционной работы в Хорезм, причем из разговоров с ним выяснил тождественность целей, поставленных планом работ Музея и экспедиции Якубовского, и проистекающую отсюда научную нецелесообразность осуществления экспедиции в Хорезм.

Развивая эту мысль, Б.Н. Засыпкин указывает, во-первых, единообразие места направления экспедиции (Куня-Ургенч), а, во-вторых, характер произведенных там работ и демонстрирует предоставленные проф. А.С. Башкировым снимки, определенно констатирующие дублирование работ экспедиции Музея в случае, если бы она была осуществлена согласно предварительным планам. В заключение Б.Н. Засыпкин отмечает, что личный момент толкал как его, так и Б.П. Денике, в Хорезм для собирания материалов по личной научной работе, но соображения научной целесообразности заставили пренебречь этими личными устремлениями и изменить маршрут в направлении на Термез.

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН считает необходимым твердо установить факт отсутствия предварительной информации и санкции Правления на перемену маршрута и, прежде всего, отвести аргументы со ссылками на сборник Музея и постановление Ученого Совета, ибо они

имели в виду общие научные выводы из экспедиции 1927 г., а вовсе не плановую проработку проекта проведения новой экспедиции в Термез. Что касается указанного в записке Б.Н. Денике постановления о включении в план экспедиционных стационарных работ в Термезе, то оно (принятое при сокращенном составе Правления, в частности, без его участия) имеет в виду 1929 и последующие годы. Производственный план на 1928-33 гг. был принят в целом к сведению и не прорабатывался подробно в силу краткости срока, предоставленного Главнаукой.

Отвечая на специальный вопрос К.Э. Гриневича, он указывает, что вряд ли уместно со стороны отдельных членов Правления наличие особой активности после того, как Правлением был принят план проведения экспедиции в Хорезм и утверждено именно это направление. Он полагает, что в случае наличия сомнений, – а таковые, как это теперь выяснилось, у руководства экспедиции имели место, – следовало представить на рассмотрение Правления два проработанных варианта экспедиционной работы, причем в этом случае Правление могло бы условно санкционировать и второй вариант, если первый вызвал бы на месте реальную угрозу дублирования. Переходя к формальной стороне, он отмечает факт окончательного принятия решения лишь в конце августа, т.е. тогда, когда предварительная информация уже не могла иметь места, а также свое выступление на заседании Правления при заслушании отчета по экспедиции, из которого явствует отсутствие этой информации.

К.Э. ГРИНЕВИЧ задает В.А. Гурко-Кряжину вопрос, считает ли он все же перемену маршрута экспедиции вредной для Музея.

А.А. ЛУКЪЯНОВ указывает, что объяснения Б.П. Денике по существу п.п. 4 и 5 акта обследования оставляют его совершенно непоколебленным и защищает редакцию указанных пунктов, отмечая, что маршрут экспедиции был изменен именно "вопреки" производственному плану 1928 г., предусматривавшему лишь экспедицию в Хорезм, и что никакого сметного плана использования отпущенных Главнаукой экспедиционных сумм составлено не было.

И.Н. БОРОЗДИН считает, что в прениях отчетливо обнаружилось две точки зрения по вопросу об изменении маршрута экспедиции. Одна из них касается формальной стороны дела, порядка оформления изменения, причем здесь, конечно, имеются формальные нарушения, вина за которые лежит главным образом на Директоре Музея, как руководителя экспедиции, хотя и все Правление в целом до известной степени несет на себе часть ответственности. Переходя далее к оценке вопроса по существу, он полагает, что научная и практическая целесообразность этого изменения несомненна. Поскольку Госплан борется за строгую плановость, экспедиция в Хорезм, дубли-

ровавшая по своим задачам экспедицию ГАИМК, была бы, конечно, нарушением тех общих принципов, которые Госплан выдвигает в своей работе. Он считает необходимым особенно акцентировать этот момент и отмечает, что поездка в Хорезм была по существу невозможной, особенно ввиду сообщенных Б.Н. Засыпкиным данных о его переговорах в Средней Азии.

Затем И.Н. Бороздин особо останавливается на особых моментах, заставивших экспедицию избрать местом работы именно Термез. В качестве основных научных мотивов прежде всего следует иметь в виду соображения о том, что памятник должен быть исследован до конца и, поскольку в прошлом году было начато исследование, оно должно было быть доведено до конца, особенно при учете реальной опасности его уничтожения. Во-вторых, И.Н. Бороздин считает, что задачей экспедиционной работы отдела Советского Востока являлось и является изучение крупных торговых и караванных центров в Средней Азии, поскольку изучение самих путей представляется затруднительным. Именно в силу указанного планом экспедиции было намечено обследование Куны-Ургенча, являющегося наряду с Термезом важнейшим пунктом по Аму-Дарье. Таким образом, если признать нецелесообразность дублирования экспедиции в Хорезм, выбор Термеза является логически и научно обоснованным.

Н.В. КУЗЬМИН, останавливаясь на выступлении И.Н. Бороздина, считает неправильным квалифицированное им, как чисто формального момента, исполнение плана, и считает, что следование плану, подробно прорабатываемому предварительно на производственных совещаниях и в Правлении, должно быть основной линией в работах Музея. В таком важном вопросе, как проведение экспедиционной работы, важна не только предварительная проработка и санкция его Правлением, но и всестороннее обсуждение его коллективом сотрудников.

К.Э. ГРИНЕВИЧ присоединяется к мнению о том, что при перемене маршрута был допущен ряд упущений и даже не только исключительно формального характера, и к указанию Н.В. Кузьмина о том, что следование плану не является лишь формальностью. Он полагает, что собрание должно занять по этому вопросу определенную позицию, поставив руководителю экспедиции на вид неправильность его действий. Переходя к вопросу о научной целесообразности изменения маршрута, он считает необходимостью поставить вопрос в следующей плоскости: был ли принесен Музею какой-либо вред от этого изменения или нет. Он полагает, что вреда принесено не было, и что из прений выясняется нецелесообразность маршрута на Хорезм, ввиду чего лично ему представляется необоснованным избра-

ние в экспедиционном плане Куны-Ургенча, а не Термеза для продолжения прежней линии работы.

Далее он считает странным поднятие вопроса об экспедиции после того, как отчет в основном уже был принят Правлением. Основными итогами прений он считает констатирование слабой производственной и финансовой дисциплины в Музее, но полагает, что вреда от изменения маршрута экспедиции не было. В заключение он отмечает принципиальное значение прений и для Главнауки, поскольку налицо имеется факт неувязки экспедиционной работы, как в центре, так и между учреждениями (например, между экспедицией Музея и ГАИМК) и поскольку вопрос об упорядочении ее уже поставлен в Главнауку (особое совещание по вопросам регулирования экспедиционной работы).

Ф.В. ГОГЕЛЬ указывает, что члены Правления не только не были заранее осведомлены о перемене маршрута экспедиции, но и не могли об этом знать, так как согласно заявлению Б.П. Денике окончательно изменение маршрута было решено им только 28 августа в Средней Азии. Вместе с тем, уже начиная с марта месяца Б.П. Денике предпринимал подготовительные меры к этой перемене, а 8 июня 1928 г. в Центральное Бюро Краеведения было сделано сообщение о направлении экспедиции в Термез. Одновременно на заседании Ученого Совета 18 мая был доложен производственный план Музея с экспедицией в Хорезм, что создавало полную уверенность, что этот план остается без изменений. При этом Ф.В. Гогель указывает, что 8 июня 1928 г. имело место в Музее производственное совещание, которому ничего не было сообщено о намеченной перемене маршрута. Подобная несогласованность производственного плана с Правлением и производственными совещаниями имела место и ранее — производственное совещание от 1 февраля 1927 г. обратило внимание на то, что производственный план Музея составлялся в спешном порядке, без предварительной проработки его Отделами и без рассмотрения и утверждения его Правлением и указало на ненормальность такого положения и необходимость проводить более тщательную проработку производственного плана, устраивая для этого совещания сотрудников и проводя через соответствующие органы. Эти указания производственного совещания совершенно не были осуществлены по отношению к экспедиционному плану 1928 г.

Н.И. ТОЛОКОНСКИЙ (см. дополнения со стороны К. Гриневича) считает необходимым особо отметить несработанность Правления Музея, поскольку это выявляется на таком важном вопросе, как экспедиционная работа Музея. Тот факт, что Директор Музея принимал единоличные решения по этому вопросу и даже, как выясняется, считает возможным квалифицировать его как принятие решения на ос-

новании "Положения" с последующим докладом Правлению, касается только мелких вопросов и не может иметь места в вопросах такой важности, как обсуждение и утверждение планов экспедиционной работы.

Я.Г. ЛИДАК отмечает, что если следовать аргументации Бороздина, то выходит, что из-за соображений плановости в Музее должна была быть осуществляема бесплановость. По существу, экспедиция была проведена вполне беспланово, по единоличному распоряжению Денике, сводящего, таким образом, роль Правления к роли фиксирующего аппарата, за спиной и без ведома которого отдаются важнейшие распоряжения. Переходя далее к оценке аргументации защитников научной целесообразности изменения маршрута экспедиции, он отмечает изменение этой аргументации с каждым новым заседанием. Сначала указывалось, что планы были представлены и на Хорезм и на Термез. По выяснении неправильности этого утверждения, приводятся указания на параллелизм в работе, потом соображения о научной пользе экспедиции и т.п.

В заключении Я.Г. Лидак говорит вообще о работе отдела Советского Востока. Он приводит цифры о соотношении между коллекциями отделов (Советский восток – 2733 пам[ятников], главным образом, керамики из общего числа в 1078 памятников, при расходовании большей части средств на Отдел – за 1928 г. – 2746 руб. из общего количества в 6700 руб. и при наличии 6 работников в Отделе) и подчеркивает, что в Отделе отсутствует правильный учет, так что не инвентаризованы даже поступления двух прежних экспедиций, тогда как в остальных отделах инвентаризация произведена при несравненно меньшем количестве сотрудников и меньших затратах, хотя приток поступлений велик (поступления из Музейного фонда, пожертвования и пр.). Главными поступлениями отдела Советского Востока являются черепки и фрагменты (некоторые из них представляют художественную ценность, но при отсутствии документации трудно судить об их происхождении; только после документации должна быть произведена и глубокая научно-исследовательская работа), причем совершенно не обращено внимания на пополнение и развитие других сторон деятельности Отдела. Одним Термезским дворцом культура Советского Востока, конечно, не может быть исчерпана.

Б.П. ДЕНИКЕ указывает, что, говоря на прошлом заседании Правления о двух планах экспедиции, он имел ввиду общие производственные перспективы Музея, а также планы свои и своих ближайших сотрудников, а не точное закрепление плана экспедиции Музея в Термез производственным планом 1928 г.

Н.В. КУЗЬМИН, отмечая разность мнений, считает, что непредставление предварительного плана в Правление является подтверж-

дением факта несогласованности Правления и отсутствия необходимой организации его работ.

И.Н. БОРОЗДИН, отвечая Я.Г. Лидаку, указывает, что отделу Советского Востока были Музеем ассигнованы средства за прошлый год наравне с другими отделами, а израсходованные Отделом сверх этого шли за счет специальных ассигнований...

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН, отвечая на ранее заданный ему К.Э. Гриневичем вопрос, а также считая неправильной установку на отсутствие вреда, указывает, что при оценке экспедиционной работы следует исходить не из принципов наименьшего вреда, а из принципов наибольшей пользы. Если исходить из соображений этого второго порядка, то научная целесообразность изменения маршрута экспедиции, по его мнению, не может считаться бесспорной, особенно, если иметь в виду, что экспедиция совершенно игнорировала современную культуру района, памятники народного творчества и пр. Между тем, при наличии большого числа участников, все эти моменты могли быть поставлены в число задач экспедиции, если бы план проведения предварительно был бы проработан в Правлении. С этой точки зрения бесплановость проведения экспедиционной работы является определенно вредной.

Обращаясь далее к аргументации И.Н. Бороздина и К.Э. Гриневича, он считает неправильным в той категорической форме, в какой оно было дано, утверждение, будто всякое исследование должно быть доведено до конца. Точно также он считает неправильным указание на то, будто исследование районов Термеза и Куня-Ургенча тождественно по своему общему научному значению, ибо они принадлежат исторически разным культурам. Переходя к формальным моментам, В.А. Гурко-Кряжин отмечает, что на заседании Правления, где был дан первый отчет об экспедиции, доклад Б.П. Денике и был не утвержден, а лишь принят к сведению, причем в фиксированных протоколах прениях были отмечены основные моменты, по которым впоследствии развернулась дискуссия.

А.А. ЛУКЪЯНОВ считает, что научная целесообразность изменения маршрута экспедиции не может считаться установленной и указывает на противоречие в аргументации И.Н. Бороздина, оправдывающего на основании принципов общего планирования целесообразность беспланового проведения экспедиции, причем подчеркивает несостоятельность мотивов, коими оправдывают изменение маршрута – наличие двух экспедиций в Хорезм ГАИМК и МВК, т.к. считает, что Музею необходимо было это обсудить в Правлении и возможно согласовать с этими учреждениями вопрос об организации комплексной экспедиции, что действительно было бы планово. Он указывает на полную возможность обсуждения этих вопросов в Прав-

лении и на характер выступления отдельных членов Правления. В заключение он присоединяется к мнению т. Толоконского о несрабатанности Правления.

В.А. ЭЙФЕРТ, резюмируя прения, считает установленным факт изменения маршрута экспедиции вопреки производственному плану Музея и санкции Правления и предлагает принять в этом отношении резолюцию, подтверждающую п. 4 акта обследования. По вопросу о научной целесообразности этого изменения он полагает, что вопрос следует передать особой комиссии по назначению Главнауки, ибо решить его на настоящем собрании не представляется возможным.

Б.П. ДЕНИКЕ возражает против редакции п. 4 акта обследования, предлагая внести после "вопреки производственному плану" указание на год (1928) и перед "разрешения Главнауки" — слово "официального", ибо устное разрешение на перемену маршрута им было получено от С.П. Григорова, а затем б. пом. Начальника Главнауки М.П. Кристи, хотя он их и не информировал о том, что указанное изменение не проведено через аппарат Правления.

В.А. ЭЙФЕРТ сообщает, что С.П. Григоровым сделано соответствующее заявление пом. Начальника Главнауки.

ПОСТАНОВИЛИ: Констатировать, что вопреки производственному плану Музея на 1927-1928 г., а также официальному разрешению Главнауки и санкции Правления, начальником экспедиции Б.П. Денике маршрут экспедиции был изменен в направлении Термеза вместо Хорезма, для продолжения работ экспедиций двух предыдущих лет. Считать необходимым передать вопрос о выяснении научной целесообразности этого изменения с точки зрения задач научной и просветительной работы Музея, в особую комиссию, о назначении которой просить Главнауку.

СЛУШАЛИ: Б). О материальной отчетности по экспедиции:

И.Н. БОРОЗДИН, отмечая, что при рассмотрении вопроса об утверждении отчета выделен в качестве сомнительного лишь один момент, а именно, оплата суточных и проезда посторонних Музею лиц, приглашенных руководителем экспедиции и, считая, что право приглашения посторонних лиц руководитель экспедиции имел, особо останавливается на работе Корнилова, Ученого секретаря Музейного отдела Татреспублики, привлечение которого он считает, исходя из общих директивных указаний Главнауки по вопросу о привлечении местных научных работников вполне целесообразным, и местного архитектора-художника Попова, давшего ряд ценнейших зарисовок на месте и произведшего ряд архитектурных обмеров.

К.Э. ГРИНЕВИЧ напоминает, что в постановлении III Всероссийской краеведческой конференции, созванной Главнаукой, была отмечена необходимость проведения экспедиционной работы с обяза-

тельным привлечением местных работников. Переходя далее к вопросу о формальной стороне, он считает, что должны были быть представлены особые платежные ведомости, в которых помимо оплаты указывался бы характер работы каждого отдельного работника, или в счетах на оплату суточных должны [были] быть сделаны соответствующие указания.

Я.Г. ЛИДАК отмечает, что выплата денег была произведена без всякого указания на то, какие работы выполнялись каждым отдельным работником и указывает, что в такой форме отчет утвержден быть не может.

А.А. ЛУКЪЯНОВ, указывая, что вопрос о целесообразности привлечения 8 человек не может быть решен до выяснения комиссией Главнауки общего вопроса о целесообразности экспедиции, все же считает необходимым утверждение отчета в его материальной части, поскольку расходы, как выяснилось, были произведены на экспедиционную работу и поскольку документы по оплате приглашенных сотрудников будут надлежащим образом оформлены, с отнесением перерасхода за счет Музея.

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН присоединяется к мнению А.А. Лукьянова.

ПОСТАНОВИЛИ: Констатируя отсутствие как предварительной, так и исполнительной сметы на экспедицию в Термез и необходимой документации по расчетам с приглашенными сотрудниками, с одной стороны, и право начальника экспедиции на приглашение необходимых в работе работников, с другой, предложить Б.П. Денике представить соответствующие документы по оплате посторонних лиц дополнительно и внести отчет в целом на утверждение Правления к следующему заседанию.

СЛУШАЛИ: В) О научной документации производства работ и привоза материалов экспедиции.

А.А. ЛУКЪЯНОВ, развивая заключения, данные в п.п. 8-12 акта обследования, настаивает на их точности, причем отмечает, что ряд документов, предъявленных на настоящем собрании и указанных в приложенной к объяснительной записке Б.П. Денике описи, комиссии представлен не был, откуда явствует, что самой описи к этому моменту не было, хотя она должна была быть составлена на месте работ или, в крайнем случае, ко времени прибытия экспедиции в Музей.

Б.П. ДЕНИКЕ подтверждает отсутствие описи в указанные А.А. Лукьяновым моменты, считая это упущением со своей стороны, и указывает, что материалы экспедиции (альбомы, дневники участников и пр.) были во время заседания комиссии частично на руках у участников экспедиции для обработки.

К.Э. ГРИНЕВИЧ, описывая по предложению В.А. Эйфорта порядок научной документации производства работ согласно своей прак-

тике, указывает, что на месте составляется акт начала работ, после чего ведется дневник раскопок, фотофиксация работ на каждый день, причем отмечает, что точных правил и форм ведения работ Главнаука до настоящего времени не выработала, так что в этом отношении никаких твердо установленных норм не имеется. Что касается вопроса о представлении отчета по экспедиции, то инструкцией для этого установлен срок – 31 декабря, когда он и должен быть представлен начальником экспедиции.

В.А. ЭЙФЕРТ просит Гриневича дать заключение о дневнике Б.Н. Засыпкина.

К.Э. ГРИНЕВИЧ, просматривая дневник и указывая, что для всестороннего заключения должен быть дан, естественно, большой срок, отмечает сначала, что в дневнике Б.Н. Засыпкина имеются элементы полевой описи и дневника группы, работавшей при раскопках здания № 1, а в дальнейшем, при более внимательном рассмотрении, считает возможным квалифицировать дневник Б.Н. Засыпкина как удельно-творительный черновой дневник. По вопросу об указанном в акте комиссии отсутствии общего дневника, который должен вестись начальником экспедиции, он полагает, что в случае значительного удаления групп, как это имело место в работе экспедиции, могут вестись различные дневники по каждой группе экспедиции. В заключение, отмечая, что он не является специалистом по восточной археологии, К.Э. Гриневич считает целесообразным привлечение для оценки этой части работы какого-нибудь крупного востоковеда, например, академика В.В. Бартольда.

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН высказывает недоумение по поводу того, что для раскопок на Востоке могут быть применяемы какие-то особые правила по техническому их производству. На реплику К.Э. Гриневича, что на Востоке обыкновенно приходится вести раскопки в песке, он указывает, что различие в почвенных условиях имеет место всюду, а не только на Востоке, и вопрос этот имеет значение лишь для техники работ, а не техники их оформления.

И.Н. БОРОЗДИН, отмечая, что согласно инструкции отчет о результатах экспедиции должен быть представлен к 31 декабря, считает, что привоз еще не передан в отдел Советского Востока и потому остается на ответственности руководителя экспедиции. Переходя к вопросу о значении дневника Б.Н. Засыпкина, он считает возможным считать его дневником экспедиции, во-первых, ввиду того, что Б.Н. Засыпкин является, как это указано в объяснениях Б.П. Денике, его главным помощником, а во-вторых, имелась раздельная работа групп, причем в руках начальника экспедиции было сосредоточено общее административно-научное руководство экспедицией.

А.А. ЛУКЬЯНОВ, соглашаясь с возможностью считать личную тетрадь Б.Н. Засыпкина черновой записью, считает, что в остальном указания комиссии, изложенные в п.п. 8-12, должны быть подтверждены Правлением.

Ф.В. ГОГЕЛЬ, говоря по поводу п. 12 акта комиссии, предъявляет Правлению книгу поступлений научного инвентаря Музея и указывает, что против записей материалов экспедиций 1926 и 1927 года совершенно отсутствуют записи в графе "основание и сопроводительные документы", что свидетельствует об отсутствии этих документов в момент записи материалов. На отсутствие этих документов за 1926 г. уже было обращено внимание комиссией Главнауки, обследовавшей Музей в июне 1927 г. Кроме того, Ф.В. Гогель обращает внимание Правления, что за одним номером (454) записано 184 предмета – весь привоз экспедиции 1926 г. из Термеза, причем и на них никаких актов и документов поступления также не имеется. Это указывает, что происхождение материалов экспедиций 1926 и 1927 г. не может быть документально удостоверено.

Б.П. ДЕНИКЕ, отмечая, что он не понял п. 12 акта обследования, обращает внимание на то, что в течение двух лет не было никаких указаний на неправильность, о которых идет речь. (Пометка карандашом: "Неправильно! Акт комиссии ГНК от 23. VI. 1927").

И.Н. БОРОЗДИН считает, что п. 12 неправильно сформулирован в акте обследования, т.к. привоз экспедиций прошлых лет вовсе не занесен по инвентарю отдела Советского Востока в силу высказанных им ранее сообщений об инвентаризации, а проведен лишь по книге поступлений.

А.А. ЛУКЬЯНОВ и В.А. ЭЙФЕРТ, комментируя п. 12 акта обследования, отмечают, что в нем вовсе нет указаний на то, что в инвентарь отдела Советского Востока занесен привоз экспедиций прошлых лет.

ПОСТАНОВИЛИ: Констатируя согласие с п.п. 8-12 акта обследования, за исключением части п. 8 по вопросу о ведении дневника и считая, что личная тетрадь Б.Н. Засыпкина может быть признана черновой записью дневника, отмечая, что ряд представленных на заседание документов (альбомы, тетради других участников) не были представлены комиссии, и что начальником экспедиции не было составлено своевременно описи документов, равно как и каких-либо приемочных актов, считать что до представления отчета по экспедиции, т.е. до 31 декабря, когда он должен быть представлен согласно "Инструкции", документы и привезенные материалы в Музей не сданы и находятся на ответственности начальника экспедиции" (там же, 1928, оп. 1, д. 9, лл. 70-86).

После этого заседания его участниками был подготовлен ряд рукописных и машинописных справок, замечаний и уточнений к протоколу № 9.

Б.П. ДЕНИКЕ (рукопись без даты): "Вношу следующие поправки в Протокол заседания Правления МВК от 12.XII. 1928 г.: с. 3, стр. 14 и 15 сверху "Была замечена в нижней части стенки у самой земли белая полоска облицовки" – вместо написанного.

С. 3. Надо исправить цифры: 697 р. 50 к. выплата суточных участникам экспедиции, 516 р. 24 к. оплата проезда, расходы по оборудованию экспедиции необходимыми материалами 525 р. 48 к.

С. 11. В моем выступлении следует отметить, что Главнауке (в лице С.П. Григорова и М.П. Кристи) было известно о перемене маршрута из устных переговоров; письменно извещены они не были.

По поводу п. 9 акта обследования мною было отмечено, что договоренность со Средазкомстарисом имела место (см. бумагу Музея за № 353 и ответ на нас [т.е. нам] Средазкомстариса).

Отмечаю, что резолюции перед голосованием не были внесены в письменной форме, поэтому мне представляется, что резолюция по вопросу о документации формулирована неточно: необходимо было бы в ней отметить, что представленные на заседании альбомы, тетради и др. документы не были представлены при обследовании [комиссии], т.к. были на руках участников экспедиции для обработки – и мне кажется, что в принятой резолюции это было отмечено" (там же, л. 88).

И.Н. БОРОЗДИН (машинописный текст без даты): "Со своей стороны считаю необходимым сделать следующие поправки к протоколу заседания Правления МВК от 21.XII.1928 года. Стр. 4, строка 20, добавить: "Как полномочный представитель Средазкомстариса, без которого раскопки на территории Узбекистана вести не могли".

Стр. 5. В выступлении В.А. Гурко-Кряжина не отмечено его заявление, что он принадлежит к той группе Правления, которая не знала об изменении маршрута экспедиции. На это последовал вопрос К.Э. Гриневича о том, какие группы существуют в Правлении, на что В.А. Гурко-Кряжин заявил, что он оговорился.

Стр. 6. В своем заявлении я указал, что проводить третью экспедицию в Хорезм и повторять то же, что делали две экспедиции, являлось бы совершенно недопустимой тратой народных денег. Жаль, что и две-то экспедиции были направлены в одно место, и несомненно, что они дублировали друг друга. У нас, в условиях Советской общественности, надо дело рассматривать по существу и [для] наилучшей целесообразности.

Стр. 8. В выступлении Толоконского не отмечено его указание на факт существования в Правлении групп.

Стр. 9. В выступлении Я.Г. Лидака упоминалось о том, что в Отделе [Советского] Востока работает 6 человек. В Отделе Советского Востока до 1 ноября 1928 г. состояло на службе 2 человека [И.Н. Бороздин и Б.Н. Засыпкин – В.В.].

Стр. 10. В своем выступлении я указывал, что далеко не все научные определения (напр., буддийские памятники или нет) могут быть сделаны немедленно на месте. Здесь нужны большие исследовательские работы с привлечением сравнительного материала (материалов других исследований, изданий, музейных коллекций и т.д.).

Стр. 15. В раздел Г следует добавить заявление К.Э. Гриневича о необходимости обследования деятельности Музея. И.Н. Бороздин к этому заявлению присоединился" (там же, л. 90).

8 января 1929 г. Два рукописных заявления на одном листке школьной тетради:

В.А. ГУРКО-КРЯЖИН: "Ознакомившись с протоколом № 9 нахожу, что он вполне правильно составлен. Никаких исправлений и изменений не имею".

Я.Г. ЛИДАК: "С мнением тов. Гурко-Кряжина согласен; протокол вполне правильно отражает сказанные речи на заседании Правления. Никаких исправлений и изменений по протоколу не имею, тем более, что секретарь заседания на Правлении был предупрежден о подлинных записях речей и, с другой стороны, все предложения председательствующим товарищем были сформулированы отчетливо и продиктованы для записи в протоколе" (там же, л. 89).

11 января 1929 г. Отдельное уточнение (рукопись) В.А. ГУРКО-КРЯЖИНА: "Ознакомившись с заявлением т. Гриневича, в порядке уточнения сообщаю: На вопрос т. Гриневича "что это за группа?" (Правления, к которой я принадлежу), я ответил - "группа, которая не знала об изменении маршрута экспедиции". Что касается моей "оговорки", то она констатировала отсутствие в Правлении организованных группировок" (там же, л. 87).

Ф.В. ГОГЕЛЬ (машинописный текст без даты): "Прошу приложить настоящую справку к протоколу Правления от 21.XII – 1928 г.

По поводу известных нарушений плановости работы Музея, недостаточной документации поступающих материалов экспедиций, а также запущенности инвентаризации, вполне естественно спросить, какую позицию во всех этих вопросах до сего времени занимало Правление и вообще работники Музея. Чтобы осветить эту сторону дела,

я считаю необходимым привести следующую справку, свидетельствующую, что эти вопросы ставились в Музее неоднократно и в достаточно четкой форме.

1) Производственное совещание в Музее 1 февраля 1927 г. установило, что "производственный план Музея составлялся в спешном порядке без предварительной проработки его отделами и без рассмотрения и утверждения его Правлением", и указало на ненормальность такого положения и необходимость проводить более тщательную проработку производственного плана, устраивая для этого совещания сотрудников, и проводя [его решения] через соответствующие органы [управления Музеем].

2) 6 апреля постановлением Правления (при председателе Б.П. Денике) для выработки единообразной формы инвентаризации и каталогизации памятников всех отделов вопрос был передан для предварительной проработки в комиссию в составе всех научных сотрудников Музея. Эта комиссия ни разу не собралась до настоящего времени, т.е. в течение 1 года и 8 месяцев.

3) В июне 1927 г. было произведено обследование Музея специальной комиссией Главнауки в составе инспекторов Главнауки тов. Гагарина и Карпова и представителя профсоюза – председателя Группкома учреждений Главнауки – тов. Змеева.

В числе замеченных комиссией неправильностей (протокол комиссии от 23.VI-1927 г.) было отмечено, что "на коллекции, привезенные экспедицией из Термеза, не только нет приемочного акта, но отсутствует хотя бы краткий количественный отчет о том, что привезено, если не считать краткой научной характеристики коллекций, напечатанной в сборнике Музея". Там же указано: "что касается отделов Среднего и Советского, то эти отделы к инвентаризации только приступают". При этом в предложениях протокола комиссии (п. 14) сказано: "ускорить окончание инвентаризации научных коллекций Музея".

4) Протокол этого обследования был направлен в Музей при отношении Музейного отдела Главнауки от 15 июня 1927 г. с предложением устранить замеченные недостатки в срочном порядке.

5) Этот протокол обследования Музея комиссией Главнауки был доложен Правлению в заседании от 14.XII-1927 г., причем по ряду пунктов, в том числе и по пункту 14 (об инвентаризации) было вынесено постановление "принять к сведению и исполнению".

6) Производственное совещание в Музее, происходившее 8 июня 1927 г., заинтересовалось степенью выполнения пожеланий комиссии Главнауки, в частности, в деле ускорения инвентаризации отделов Среднего и Советского Востока. По этому поводу Б.П. Денике сообщено, что недоинвентаризировано по отделу Среднего Востока 20% предметов, а по отделу Советского Востока 15%. Сотрудник

Стрелков добавил, что по ОСВ недоинвентаризировано всего 40-50 предметов. Совещанием было вынесено пожелание о скорейшем окончании инвентаризации коллекций Музея.

7) На заседании Правления 28 августа 1928 г. (председатель Ф.В. Гогель) был оглашен протокол этого производственного совещания, причем выяснилось, что по ОСВ начисто инвентаризировано [только] 50 предметов, а начерно – 400.

8) В отчете Музея на 1927-1928 г. указано, что по отделу Советского Востока на 1 октября 1928 г. имеется 2733 предмета, [причем] 85% от этой цифры составляет 2323 предмета [археологии].

Далее следуют пространные цитаты из протоколов совещаний о необходимости ускорения инвентаризации коллекций, в первую очередь по отделу Советского Востока, завершённые резюме:

"Все изложенное указывает, что вопросы о плановости работы, о своевременности инвентаризации и о документации экспедиционных материалов постоянно и упорно обращали на себя внимание производственных совещаний Музея и даже Главнауки. И если в настоящее время все же обнаруживаются в этих областях недочеты, то они никак не могут быть объяснены отсутствием указаний или напоминаний со стороны Правления или работников Музея" (там же, лл. 91а-92а).

Итоги Третьей археолого-архитектурной экспедиции Музея восточных культур в Старом Термезе были подведены, но в его планах намечалось продолжение полевых работ. Так, например, **10 октября 1928 г.** на заседании Правления МВК (протокол № 1) "Б.П. ДЕНИКЕ указывает на необходимость произвести... предусмотренную планом 1928-29 гг. экспедиционную работу в районе Термеза и Восточной Бухары. **ПОСТАНОВИЛИ:** Включить в проект экспедиций [на 1929 г.] экспедиционную работу в районе Термеза и Восточной Бухары, испросив дополнительные ассигнования..." (там же, л. 54а). Однако уже тогда в Музее произошли серьезнейшие перемены (в первую очередь смена директора), и этим мечтам и планам не довелось свершиться.

В конце 1928 г. зам. директора МВК Я.Г. Лидак в письменном докладе Президиуму ЦИК особенно подчеркивал "необеспеченность Музея до последнего времени политическим руководством в достаточной мере. Лишь в настоящий момент со стороны Главнауки приняты соответствующие меры и в руководящую головку Музея в моем лице введен коммунист. В отношении научной работы можно было бы пожелать, в известных частях, гораздо большего напряжения, а в некоторых случаях и исправления линии, хотя научный персонал Музея по своей квалификации к своей работе подготовлен

хорошо (! – В.В.). В последнее время, в связи с особыми указаниями Главнауки, ведется работа по исправлению и укреплению всей музейной линии (в области приспособления Музея к интересам массовой культурно-просветительной деятельности), но пока основная преграда (отсутствие достаточного здания) не будет преодолена, все намеченные планы, пожелания и перспективы могут быть осуществлены лишь в незначительной степени или даже совсем не осуществлены.

Если же принять во внимание организующую роль народов Востока в социалистическом строительстве и в международном революционном движении, то необходимость создания прочной базы для деятельности МК становится очевидной. МК должен быть выведен из тупика и сыграть соответствующую его значению роль. Этого возможно достигнуть, если с Вашей стороны будут приняты конкретные меры" (там же, 1928, оп. 1, д. 9, лл. 20-21).

Тогда же в докладе Музейному отделу Главнауки Я.Г. Лидак писал: "Необходимо констатировать, что в работах отделов вплоть до 1927-1928 г. существовала анархия и бесплановость. При этом если планы отделов и составлялись, они не исполнялись и часто противоречили друг другу. Были случаи, когда планы отделов, даже утвержденные Правлением Музея, совершенно нарушались. Например..., план работы Отдела Среднего Востока, который не имеет за собой никакой научной и просветительной базы, причем, сам Отдел как таковой – был дутым. Плановое начало работы Музея во всех отраслях его работы начало проводиться лишь после смены старого директора Музея [Б.П. Денике] – в октябре 1928 г., причем осуществление намеченной плановости было затруднено большим внутренним сопротивлением некоторых, потом удаленных из Музея работников. С освобождением Музея от работников, нарушающих эту плановость во имя своих личных и карьеристских целей, началось изменение и оживление всей основной музейной работы, как в части научной, так и просветительной, причем все отделы Музея начали видоизменять свою работу по линии коллективного выполнения планов и коллективного подхода к делу" (там же, д.5, л. 36).

19 февраля 1929 г. ушедший в отставку Б.П. Денике "делал в Гос. Реставрационных мастерских доклад о 3-й экспедиции в Термез (совм. с Б.Н. Засыпкиным)... [Им] сделан общий отчет и доклад об орнаментации здания № 1" (Б.П. Денике. Автобио-графическая канва, с. 64).

В марте 1930 г. Я.Г. Лидак в отчете Главнауке о работе Музея за 1927-1929 г., в частности, отмечал: "В Музее с 1927 / 28 г. существовал на бумаге Ученый Совет из 26 человек, но за все время

своего существования он собирался всего 2 раза и то держал неправильную линию, приняв отчет экспедиции [в Термез] с недокументированным материалом" (Архив ГМВ, папка 2, 1927-1929 гг., оп. 1, д. 5, л. 30); "за 1929 г. при исправлении искривлений в линии работы Музея его отдел Среднего Востока был свернут, т.к. его состав, его научная и просветительная работа себя совершенно не оправдывали. Постановлением Просветбюро и Правления, с санкции Главнауки, экспедиция Отдела [в Термезе] была признана идеологически неприемлемой и была свернута" (там же, л. 36а).

Музей восточных культур завершил первый этап своей истории. Старый профессорский состав руководителей Музея сменили востоковеды новой большевистской формации. Были упразднены Ученый Совет Музея и Советы научных отделов. Ушли в отставку такие авторитетные ученые, как И.Н. Бороздин и Б.Н. Засыпкин. Подвергся "чистке" со стороны органов партконтроля и до 1932 г. не работал в Музее Б.П. Денике. В 1929 г. под предлогом наметившегося переезда МК в здание по ул. Воронцово Поле, 16 попали под сокращение штатов В.А. Гурко-Кряжин и В.Н. Кацауров; был уволен из Музея и в марте 1930 г. в первый раз арестован по статьям 58-10 и 58-11 ("как активный участник контрреволюционной группировки") А.С. Стрелков... Новую историю Музея начали делать пришедшие в руководство новые люди, среди которых долгие десятилетия не было археологов-практиков. Возобновить свои археологические полевые работы в Средней Азии (на памятнике Кара-тепе в Старом Термезе) Музей искусства народов Востока смог только в 1962 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Денике Борис Петрович (1885-1941). Окончил историко-филологический факультет Казанского университета (1911), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию; научный сотрудник Казанского музея. Совершенствовал знания в Германии (1913-1914), магистр (с 1914). Приват-доцент, профессор Казанского (1915-1918) и Томского университетов и Омского политехнического института (1918-1920), ЛИФЛИ и МГУ (1921-1930), доктор искусствоведения. – Научный сотрудник МКВ (1925 – май 1926), зав. отделом Среднего Востока (с апреля 1926), директор Музея (май 1926 - февраль 1929), Председатель Правления (с мая 1926) и Ученого Совета (с января 1928).
2. В 1919-1927 гг. название г. Ашхабада, столицы (с 1924) Туркменской ССР.
3. Бороздин Илья Николаевич (1883-1959). Окончил историко-филологический факультет МГУ (1907); зав. историко-этнологическим отделением и член Президиума ВНАВ (с 1921); член Ученого Совета Института народоведения; профессор. – Зав. отделом Советского Востока МКВ "на половине ставки" (с 1926) и "на полном окладе" (октябрь 1927 – конец 1928), член Правления (с

апреля 1926), член Ученого Совета отдела Ближнего Востока (с марта 1927), член Ученого Совета МВК (с января 1928). Подал в отставку в феврале 1929 г.

4. Гогель Федор Владимирович (Сергеевич). Родился в г. Риге в 1897 г.; усыновлен и воспитан семьей служащих. Окончил 2-е реальное училище (1891-1898) и Институт инженеров путей сообщения в СПб (1898-1903). Посещал мастерскую живописи художника Ульянова в Москве (1904-1905). Работал в системе МПС (1904-декабрь 1917). Директор музея искусства г. Вязьмы (январь-октябрь 1918). – Первый директор музея "Ars Asiatica" и зав. отделом Дальнего Востока (октябрь 1918 – декабрь 1925), зам. директора и зав. отделом Дальнего Востока (декабрь 1925 – март 1931), член Группкома учреждений Главнауки (1927-1930), второй зам. директора по научной работе (февраль-март 1931), зав. отделом Дальнего Востока (март-декабрь 1931). Распоряжением Сектора науки НКП назначен зав. Отделом металлургии Политехнического музея (с декабря 1931).

5. Попов Михаил Михайлович (род. 1881). Окончил классическую гимназию (1894-1898), персидское отделение Лазаревского института (1898-1901), арабско-турецкое отделение Института восточных языков (1901-1903); состоял на консульской службе в Турции, Иране и Ираке (1903-1914), сотрудник МИД в Петербурге (1914-1917), делопроизводитель ВСНХ (июль 1918 – апрель 1919). – Научный сотрудник и зам. директора МВК (апрель 1919 – июнь 1926), исполняющий обязанности зав. отделом Ближнего Востока (1923-1930), зав. Единым фондом хранения (с июня 1926), член Ученого Совета (с января 1928), зав. Отделом (октябрь 1930-март 1934).

6. Стрелков Александр Семенович (1896-1938). Окончил юридический (1918) и историко-философский (1921) факультеты I МГУ, а затем аспирантуру ГАХН. Научный сотрудник Музея изящных искусств (1919-1931). – Научный сотрудник II разряда отдела Среднего Востока МВК, помощник хранителя Отдела (1925-1929); работал по совместительству на половине ставки. Уволен в феврале 1929 г. "за ликвидацией отдела".

7. Эфрос Абрам Маркович (1888-1954). Искусствовед, театровед, литературный критик, переводчик, историк русского искусства. – Член Правления (июнь 1926 – январь 1928) и член Ученого Совета МВК (с января 1928).

8. В здании "Цветковской галереи" на Кропоткинской (Пречистенской) наб., д. 29, где МВК располагался с 1926 по сентябрь 1929 г. 27 февраля 1927 г. здесь были торжественно открыты первые постоянные экспозиции, а 30 июня - "Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры в Средней Азии", посвященная итогам археологической экспедиции Музея в Старом Термезе в 1926 г.

9. Рукопись Б.П. Денике "Автобиографическая канва" см.: Архив ГМВ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. САЭ-85 (в секторе археологии Средней Азии).

10. Эти находки в начале 1927 г. были записаны в "Книгу прихода научного инвентаря" под одним № 454/1-180 кп. Во время сверки наличия 27 апреля 1932 г. все 180 фрагментов оказались налицо (один даже оказался неучтенным), все были сняты с планшетов, но их дальнейшая история автору неизвестна.

11. В начале 1927 г. коллекция керамики из Анау была записана в "Книгу прихода научного инвентаря" под №№ 332-410 кп. Все фрагменты были нашиты на планшеты и в таком состоянии хранились, не получая постоянных инвентарных номеров. 27 апреля 1932 г. во время сверки наличия не были обнаружены снятые с планшетов №№ 392 кп и 369 кп (остальные на месте). В 1940 г. эта коллекция была списана с КП, и ее дальнейшая судьба автору неизвестна.

12. В начале 1927 г. коллекция керамики из Нисы была записана в "Книгу прихода научного инвентаря" под №№ 411-453 кп и тоже не получила инвентарных номеров. При сверке наличия 27 апреля 1932 г. этой коллекции не оказалось в фондах Музея.

13. Столяров Михаил Васильевич – самаркандский художник, в 1920-е гг. реставратор Главного среднеазиатского музея в Ташкенте. За годы жизни в Самарканде собрал большую коллекцию археологических памятников (преимущественно с городища Афрасиаб). Часть ее, по согласованию с Б.П. Денике, в мае 1927 г. он подарил Музею восточных культур, где она была записана в "Книгу прихода научного инвентаря" под №№ 695-906 кп, однако номеров постоянного хранения так и не получила. В 1928 г. Б.Н. Засыпкин заинвентаризировал "коллекцию отдела Советского Востока с № 705 кп, подробно описывая каждый черепок", но, тем не менее, значительная часть собрания М.В. Столярова оказалась списанной с инвентаря Музея.

14. Згура В.В. (ум. в начале 1928) – участник экспедиции МВК в Старом Термезе в 1926 г., где производил обмеры, описания и фотографирование памятников. Анализ памятника Кырк-Кыз, проведенный им в статье сборника "Культура Востока", позволяет утверждать, что он получил архитектурное образование.

15. Засыпкин Борис Николаевич (1891-1955). Архитектор-реставратор, профессор. – Научный консультант "без содержания" отдела Советского Востока (с ноября 1926), помощник хранителя Отдела на половине оклада (с мая 1927), научный сотрудник I разряда Отдела на полном окладе (с октября 1927), член Ученого Совета МВК (с января 1928), временно исполнял обязанности зав. отделом Советского Востока (с октября 1929). Подал в отставку в июле 1930 г.

16. Миллер Борис Всеволодович (1877-1956). Научный сотрудник Музея народоведения, зав. отделом Кавказа и Средней Азии (1922-1928); преподаватель Московского института востоковедения им. Нариманова и Военной академии РККА (1925-1941); сотрудник Института языка и мышления (1924-1956), профессор. – Член Ученого Совета МВК (с июня 1927).

17. С 1926 по 1929 г. в Музее действовали Ученые Советы научных отделов, в состав которых, помимо сотрудников этих отделов, входили приглашенные ученые: А.С. Башкиров – в отдел Советского Востока, А.Е. Ходоров – в отдел Дальнего Востока, Б.В. Миллер – в отдел Ближнего Востока и Л.З. Мсерианц – в отдел Среднего Востока.

18. Гурко-Кряжин Владимир Александрович (1887—1931). Преподаватель Московского института востоковедения им. Нариманова (1921-1930), член Президиума ВНАВ при ЦИК СССР (1922-1928); редактор журнала "Новый Восток" (1922-1930); преподаватель Военной академии РККА (1924-1931), профессор. – Зав. Кабинетом революционного движения в странах Востока МВК, член Правления, председатель Бюро Просветработы (апрель 1926 - 1928), член Ученого Совета отдела Ближнего Востока (с марта 1927), член Ученого Совета МВК (с января 1928), исполняющий обязанности зав. отделом Советского Востока (с конца 1928), зав. отделом и первый зам. директора по научной работе (с февраля 1929). Уволен в октябре 1929 г.

19. Корнилов Петр Евгеньевич – окончил Казанский университет, историк искусства, Ученый Секретарь Музейного отдела Татарской ССР; включен в состав экспедиции по согласованию со Средазкомстарисом.

20. Вяткин Василий Лаврентьевич (1896-1932). "Археолог-любитель, бывший учитель русско-туземных школ, затем чиновник Самаркандского областного

правления" (4, с. 14); впоследствии ведущий археолог Средазкомстариса, директор первого в Средней Азии Самаркандского музея, профессор.

21. В 1930-1931 гг. коллекция была записана в "Книгу прихода научного инвентаря" под №№ 1550-1586 кп. При сверке наличия 31 августа 1932 г. все фрагменты оказались на месте. В 1940 г. номера КП были списаны, а экспонаты получили постоянные инвентарные номера.

22. Фрагменты облицовки стен здания № 1, известного под названием дворца Термезских правителей, по Книге поступлений получили №№ 1696-1760 кп. При сверке наличия 31 августа 1932 г. не были обнаружены 12 номеров. Фрагменты керамики из раскопок в Термезе получили №№ 1606-1695 кп и 1761-1910 кп, среди которых при сверке наличия 27 апреля 1932 г. не были найдены 24 номера. В 1940 г. номера КП списаны с инвентаря, а оставшиеся предметы получили постоянные инвентарные номера.

23. Фрагменты мусульманской архитектуры получили по Книге поступлений номера с 1587 по 1605 кп. При сверке наличия 31 августа 1932 г. не были найдены №№ 1587 кп и 1598 кп. В 1940 г. номера КП списаны с инвентаря, а предметы получили постоянные инвентарные номера.

24. Лидак Ян Геннович (род. 1887). Окончил волостное училище в Латвии (1898-1902), член ВКП(б) с 1913 г., зав. Отделом Рижского Совета рабочих депутатов (1919), инструктор ЦК ВКП(б) в Харькове (1920-1921), политработник РККА (1921-1925), инструктор Рогожско-Симоновского райкома ВКП(б) в Москве (1925-1926), штатный следователь ЦК ВКП(б) (1926-1928). – Направлен в МВК Главнаукой (октябрь 1928), зам. директора по административно-хозяйственной части (с ноября 1928), директор Музея (с апреля 1929 по март 1932), аспирант и член бюро Института народов Советского Востока (с 1930), исполнял обязанности зав. Кабинетом революционного движения МВК (с конца 1931). Назначен директором Государственных Центральных реставрационных мастерских (с марта 1932 г.).

25. Башкиров Александр Степанович (1885-1963). Археолог, историк, профессор. – Научный консультант отдела Советского Востока МВК "без содержания" (с ноября 1926), член Ученого Совета (с января 1928).

26. Мсярианц Л.З. Профессор. – Член Ученого Совета МВК (с января 1928).

27. Брунов Николай Иванович (1898-1971). Искусствовед, историк мировой архитектуры, приват-доцент. – Член Ученого Совета МВК (с января 1928).

28. Ходоров Абрам Евсеевич (1886-1949). Преподаватель Московского института востоковедения (с 1923) и Военной академии РККА (с 1924), член ВНАВ. – Член Ученого Совета МВК (с января 1928).

29. Толоконский Николай Иосифович – исполняющий обязанности зав. Кабинетом революционного движения в странах Востока МВК (с конца 1928), член Правления, председатель Бюро Просветработы МВК (с октября 1929), зав. Кабинетом (с апреля 1930). Уволен в октябре 1930 г.

30. Иловайский Дмитрий Иванович (1832-1920) – русский историк, публицист, автор нескольких монографий и многочисленных учебников по всеобщей и русской истории для начальной и средней школы. Последовательная дворянско-монархическая направленность его работ уже с 1920-х гг. служила отрицательным примером для официальной советской историографии.: "В учебниках Иловайского история сводилась главным образом к деятельности царей и полководцев, народным движениям давалась антинаучная, резко отрицательная оценка, исторический процесс объяснялся второстепенными и случайными обстоятельствами..." (БСЭ, т. 17, М., 1952, с. 543).

31. Тюркологический съезд состоялся в Баку в феврале, а Керченская конференция – в июне 1926 г.; в их работах от МВК принимал участие И.Н. Бороздин.

32. Попов Валентин Семенович – архитектор-художник Средазкомстариса, участник экспедиции МВК в 1928 г. В выданных ему справках сказано, что они даны "для представления в Территориальное управление МВО" (№ 515), причем Музей "ходатайствует о предоставлении ему отсрочки по призыву" (№ 522).

33. Засыпкин Иван Спиридонович – в соответствии с удостоверением № 527 он "состоит научно-техническим сотрудником экспедиции МВК в Средней Азии", но непосредственного участия в экспедиции МВК в 1928 г. он не принимал.

34. Чепелев Владимир Николаевич (1906-1942). Студент этнологического факультета I-го МГУ по отделению теории и истории искусства (1925-1929). – Стажер-практикант МВК на "бесплатной основе", направленный Главнаукой "для прохождения стажа" (с ноября 1928), научный сотрудник II разряда по отделу Советского Востока (с октября 1929), исполняющий обязанности зав. Отделом, аспирант Государственной Академии искусств (с июля 1930).

35. Веймарн Борис Владимирович (1909-1990). Студент факультета литературы и искусства I-го МГУ. – Стажер-практикант МВК на "бесплатной основе" (с марта 1927); в октябре 1928 г. сотрудники отдела Советского Востока предложили Правлению МВК "пригласить" его в качестве "постоянного м.н.с." на половине оклада на должность помощника хранителя отдела, однако эта просьба не была удовлетворена и Б.В. Веймарн оставался стажером-энтузиастом до окончания МГУ в 1930 г.

36. Согласно списку приема № 3 от 7 декабря 1928 г. и акту приема на КП от 12 марта 1929 г. находки экспедиции 1928 года получили следующие номера:

4153 кп (все под одним номером) – фрагменты и целые архитектурные украшения из здания № 1 (подъемный материал); в 1932 г. были в наличии.

4154 кп – 79 фрагментов керамики из восточной и средней части Древнего Термеза; в 1932 г. не оказались в наличии 17 фрагментов.

4155 кп – 399 фрагментов керамики (других данных о них нет).

4156 кп – 226 архитектурных фрагментов из здания № 1; в 1932 г. установлено, что из них утрачены 11 фрагментов и стало больше разбитых и со стертými номерами.

4157 кп – 11 эстампажей стен здания № 1: 1. "одноглавая фигура с южной стены", 2. "две фигуры крылатых грифонов с южной стены", 3. орнаменты первого (нижнего) пояса южной стены, 4. орнаменты второго (среднего) пояса южной стены, 5-11. орнаменты юго-восточного пилона. Согласно акту от 11 января 1932 г. эти эстампажи (кроме № 1) были переданы в Государственный Эрмитаж для изготовления с них гипсовых отливок по одной для каждой стороны.

4158 кп – 36 фрагментов глиняной штукатурки с остатками живописи из здания № 1; в 1932 г. были все в наличии. 4159-4163 кп – "объекты смешанного характера". 4164-4172 кп – терракотовые изделия. В 1940 г. все сохранившиеся в наличии предметы были списаны с КП и занесены в новые инвентарные книги под номерами постоянного хранения.

37. Экспедиции, работавшей от ГАИМК в Куна-Ургенче, "ввиду ориентировочного и разведочного характера работ, намеченных в поездку 1928 г..., главную установку пришлось сделать на сбор фотографического, эпиграфического и керамического материалов и на топографические наблюдения" (6, с. 23).

38. Засыпкин Михаил Николаевич (род. 1900). Из семьи железнодорожного служащего, образование неполное начальное. В гражданскую войну фотолаборант авиаотрядов РККА Дальневосточной Республики. Фотограф Московского института Востока им. Нариманова (апрель 1930 – июнь 1937). - Фотограф МВК (июнь 1937 - август 1976).

39. Имеются в виду экспедиции Преображенского и А.И. Якубовского. О Преображенском и его работах в Средней Азии, по словам старейших участников Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР Ю.А. Рапопорта и Б.И. Вайнберг, нет никаких сведений. Экспедицию ГАИМК в Куня-Ургенч возглавил Александр Юрьевич Якубовский (1886-1953). - Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1913), восточный факультет ЛГУ (1924); научный сотрудник, зав. сектором Средней Азии и Кавказа ГАИМК – ИИМК АН СССР (1925-1953); д.и.н. (с 1935); чл.-корр. АН СССР (с 1943); руководитель Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (с 1946); профессор (с 1949); действ. Член АН ТаджССР (с 1951).

40. Кузьмин Н.М. – член Правления Группкома учреждений Главнауки.

41. Кацауров (Добрянский) Владимир Николаевич – помощник библиотекаря МВК, с возложением обязанностей научного сотрудника Кабинета революционно-го движения в странах Востока (апрель 1926 – октябрь 1927) и Ученого Секретаря (с октября 1927), помощник хранителя, научный сотрудник Кабинета и исполняющий обязанности Ученого секретаря (с ноября 1927), член Ученого Совета МВК (с января 1928), Ученый Секретарь (1928-1929). Уволен в октябре 1929 г.

Использованная литература

В примечаниях к настоящей работе использованы материалы справочника: Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. – 2-е изд., кн. I-II, М., 1995.

1. "Культура Востока. Сборник Музея восточных культур". Вып. 1. М., 1927, 40 с., 15 л. илл., тираж 550 экз. См. здесь: Б.П. Денике "Экспедиция Музея Восточных Культур в Термез (предварительный отчет)", с. 9-18; В.В. Згура "Развалины дворца около Термеза", с. 19-26; А.С. Стрелков "Зурмала или Катта-топе около Термеза", с. 27-30.

2. "Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии (1924-1926 г.)". – М.: 1927. 10 с., 2 илл., тираж 1.000 экз. См. здесь: И.Н. Бороздин. Вступление, с. 1-2; Б.П. Денике Материалы экспедиции Музея восточных культур, с. 2-3; И.К. Мрочковский. Живопись мавзолея Биби Ханым, с. 4-6; Б.Н. Засыпкин. Памятники Узгента, с. 7-10.

3. "Культура Востока. Сборник Музея восточных культур". Вып. II. М., 1928, 55 с., 24 илл., тираж 600 экз. См. здесь: Б.П. Денике "Экспедиция Музея Восточных культур в Среднюю Азию 1927 года", с. 3-16; Засыпкин Б.Н. "Памятники архитектуры Термезского района", с. 17-40; А.С. Стрелков "Доисламские памятники Древнего Термеза", с. 41-47.

4. М.Е. Массон. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. - Ташкент, 1976.

5. Б.Я. Ставиский. От редактора; Пчелина Е.Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе // Кара-тепе – буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе: Основные итоги работ 1937, 1961-1962 гг. и индийские надписи на керамике. – М., 1964.

6. А.Ю. Якубовский. Развалины Ургенча // Известия ГАИМК, т. 6, вып. 2. – Л., 1930.

Сокращения

БСЭ – Большая Советская энциклопедия
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВНАВ – Всесоюзная научная ассоциация востоковедения
ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАХН – Государственная академия художественных наук
ГНК – Государственный научный комитет при НКП
ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии, литературы, истории
МВО – Московский военный округ
МИД – Министерство иностранных дел
МПСС – Министерство путей сообщения
НКП – Народный комиссариат просвещения
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
Союз СТС – Союз советских торговых служащих
ЦИК – Центральный Исполнительный комитет
ЦКК ВКП(б) – Центральная контрольная комиссия ВКП(б)

Государственный музей Востока

В.Е.ВОЙТОВ

**ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
МУЗЕЯ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ**

1926-1928 гг.

(по архивным данным и публикациям)

Подписано в печать 17.09.01. Формат 60X90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Ариал».

Объем: усл. печ. л. 4,8. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готовых о/м в типографии «Медина-Принт»

ул. Новослободская д.14/19 стр. 5.

Тел.: 972-97-49, тел./факс: 972-22-96

